

Эпоха романтизма.

Гегель.

Шопенгауэр, Карлейль, Токвиль, Гервинус

Тетрадь № 4.

Философия истории

Хотя этот термин введён только Вольтером, фактически ф<илософия> и<стории> начала формироваться с блаженного Августина. Ф<илософия> и<стории> — это синтез философского и исторического знания, ставящий целью не описание историч<еских> событий, а раскрытие их внутреннего смысла, интерпретацию «общего плана» истории, выявление направленности исторического развития.

В XVIII — XIX вв. ф<илософия> и<стории> стала ведущим разделом всего философского знания (Гердер, Гегель, Маркс). Центральной идеей русской ф<илософии> и<стории> (Чаадаев, Хомяков, Вл. Соловьёв, Н. Бердяев, Л. Карсавин и др.) явились поиски и обоснование особого места и роли России в общей жизни и судьбе человечества.

Граф Анри Клод де Сен-Симон де Рувруа (1760 — 1825)

Знатный аристократ, в числе его предков — великий герцог де С<ен>-С<имон>. Воспитателем Анри Клода был сам Даламбер. В юности Анри Клод приучил слугу будить его по утрам словами: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела!»

Молодой граф вместе с Лафайетом переплыл океан и сражался за независимость Соед<иненных> Штатов Америки. Вернулся во Францию, а через неск<оль>ко лет там началась Великая Революция. Она была горнилом идей: старые сгорали, новые рождались. Напр<имер>, уравнительный коммунизм Гракха Бабёфа («Заговор равных»).

С<ен>-С<имон> не покидал Франции. Он принял на сохранение капитал одного эмигранта и удачно пустил в оборот. Во время Революции титула не писал и, будучи с детства материалистом, выступил с проектом сноса Собора Парижского Богоматери. При Терроре его хотели арестовать. Спускаясь по лестнице, он встретил наряд полиции; его спросили, где живёт гражданин Сен-Симон. Он дал точные указания, а сам спокойно ушёл и скрылся... Когда вернулся из эмиграции тот богач, С<ен>-С<имон> вернул ему сбережённое и даже увеличенное состояние.

⌢
—————
⌣

С<ен>-С<имон> был ч<елове>к весёлой и высокой души. Тогда жизнь была очень опасной, а он превращал её в игру, кипел замыслами и проектами; нек<ото>рые из них оказались очень практичными, хотя в целом С<ен>-С<имон> явился родоначальником современного утопического социализма. В этой области у него был ряд предшественников, но в основном это были беллетристы-просветители.

Великий утопист начал свою философскую карьеру с идеи социального физицизма, построенного на примитивном распространении закона всемирного тяготения на жизнь общества. Уже в «Письмах женевого обывателя к своим современникам» (1802) С<ен>-С<имон> предложил новую религию, характерная черта к<ото>рой — ньютонизм; Исааку Ньютону поручено Богом «руководство светом и управление жителями всех планет». В будущем гармонич<ном> общ<ест>ве место храмов займут мавзолеи Ньютона. С<ен>-С<имон> заявил: «Золотой век, к<ото>рый слепое предание относило до сих пор к прошлому, находится впереди нас».*

Никакой революции он не хотел, он проповедовал индустриальную реформу. В счастливом индустриальном общ<ест>ве будущего он предусматривал сохранение и частной собств<енно>сти, и предпринимательской прибыли, и деление на классы. Но он далеко ушёл от утопизма Века Разума.

До С<ен>-С<имона> мечта о счастливой и свободной жизни в гармонии с природой была общей у больш<инст>ва утопистов с сентиментальными писателями типа Руссо и Голдсмита, врагами промышленного переворота, хулителями больших городов. Утопия ответвилась от пасторального мифа. Ранний утопизм восторженно любил природу и был сентиментален, как молодой Робеспьер.

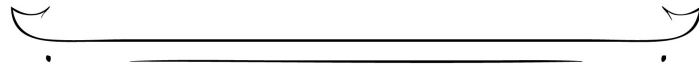
Утопизм лишился невинности с тенью Френсиса Бэкона: отдался культу науки. В 1802 С<ен>-С<имон> провозгласил: «Прочь, Александры, уступите место ученикам Архимеда!» Ещё только восходила звезда Наполеона, а С<ен>-С<имон> уже предчувствовал технократию.

С<ен>-С<имон> решит<ель>но защищал детерминизм, распространял его на развитие ч<еловече>ского общества и особое внимание уделял обоснованию идеи исторической закономерности. Он считал, что история должна стать такой же позитивной наукой, как и естествознание. По мнению С<ен>-С<имона>, каждая общественная система является шагом вперёд в истории. Движущими силами общественного развития он считал прогресс научных знаний, морали и религии.

Соответственно этому, история проходит 3 фазы развития: теологическую (господство религии, это древний мир и Ср<едние> века), метафизическую (крушения феодализма и теологии) и позитивную (будущий общественный строй, основанный на науке). Эта схема охватывает прошлое, настоящее и будущее.

У С<ен>-С<имона> важна идея объективности общественного прогресса, выступающего как благой фатум (оптимистич<еский> фатализм, ср. К. Маркс).

* На поле слева красными чернилами восклицательный знак.

Социологическая концепция С<ен>-С<имона> служила обоснованием исторической необходимости установления нового обществ<енно>го строя как закономерного результата предшествующей истории. Общество будущего будет основано на научно и планомерно организованной крупной пром<ышленно>сти. Господствующую роль в нём должны играть наука и пром<ышленно>сть. С<ен>-С<имон> функционально сближает учёных и промышленников. Он употреблял термин «индустриалы», под которым понимал рабочих, фабрикантов, банкиров и купцов. Планирование пром<ышленно>сти должно осущ<еств>ляться в интересах большинства членов общ<ест>ва, особенно беднейшей его части. Пролетариата он специально не выделял.

Всем должно быть обеспечено право на труд; каждый работает по способностям. В грядущей «индустриальной системе» управление людьми будет заменено руководством производством и распоряжением вещами. С<ен>-С<имон> надеялся, что пропагандой позитивной философии можно добиться разумной реорганизации жизни.

Его труды: «Очерк науки о ч<елове>ке» (1813 — 1816), «Труд о всемирном тяготении» (1821 — 1822), «Об индустриальной системе» (1821), «Катехизис промышленников» (1823 — 1824) и «Новое христианство» (1825). Лозунг его нового христианства: «Все люди — братья!».

Его ученики приступили к организации собственной церкви, в к<ото>рой они провозгласили Богом всё человечество (гуманитарный пантеизм). Школа сенсимонистов, к<ото>рую возглавляли Родригес, Анфантен и Базар, выродилась в своеобразную религиозную секту, склонную смешивать любовь к ч<еловече>ству с сексуальной свободой. Их судили при Луи-Филиппе. Секта распалась.

Неожиданным продолжением учения Сен-Симона стал позитивизм, созданный Огюстом Контом, секретарём и даже соавтором стареющего Учителя. См. <вперед>*

Нек<ото>рые идеи и лозунги Сен-Симона заимствовал К. Маркс. Однако пророк индустриальной системы, теоретик плановой экономики, С<ен>-С<имон> был предтечей не К. Маркса, а Р. Гильфердинга, Ф. Д. Рузвельта и Дж. М. Кейнса.

Его программа — это научно организованный капитализм, власть учёных, фабрикантов и банкиров, всемирная ассоциация народов: всё это осущ<еств>валось в XX веке (ООН!). Не осущ<еств>валась великая мечта Сен-Симона: всеобщий мир при стирании национальных границ. И никогда не была реализована заветная идея С<ен>-С<имона>: уничтожить эксплуатацию человека человеком.

Зато нек<ото>рые идеи Сен-Симона начали осущ<еств>ляться уже в середине XIX века. Смелые финансисты братья Перейр, вышедшие из его школы, создали

* После «см» стоит стрелка, указывающая вперед по направлению текста. В дальнейшем мы передаём такие авторские знаки словесно в треугольных скобках.

специальные банки для кредитования развития пром<ышленно>сти. Именно у сенсимонизма украл Фердинанд де Лессепс проект сооружения Суэцкого канала.

Сенсимонистский миф скрывал в себе вполне деловую программу культуры; эта программа продолжала идеи Просвещения и опиралась на веру в прогресс.

Кассандра контрреволюции: Жозеф-Мари де Местр (1753 — 1821)

Граф Жозеф-Мари де Местр — французский публицист, католический философ и политич<еский> деятель Сардинского королевства. Анализируя Французскую революцию («Размышления о Франции», 1796), Ж<озеф> де М<естр> предсказал реставрацию Бурбонов.

Его главные произв<еде>ния: «Опыт о порождающем принципе ч<еловече>ских учреждений», «О папе», «Петербургские вечера» — написаны в России, где он прожил более 15 лет в качестве посланника сардинского короля. Излюбленная идея Ж<озефа> де М<естра> — необходимость религиозного упорядочения мира, а идеал госуд<арственной> власти — теократия.

В 1810 вышло его «Essay sur le principe générateur des constitutionis politiques», где Ж<озеф> де М<естр> отчасти полемизирует с Руссо и развивает идею о Божественной воле как истинном порождающем начале политической институций и законов. Сторонник абсолютизма, враг Просвещения и Революции, Ж<озеф> де М<естр> утверждает, что Французская революция имела «сатанический характер».

Он заявил, что общество не может сущ<ество>вать без религии. Он считал, что постоянная борьба и грубое насилие составляют естественную основу международных отношений: «Война божественна по своей природе, потому что это закон Вселенной» (ср. Гегеля и Ницше!).

Общество создал Бог; в эпохи жестоких социальных кризисов особенно сильно проявляется воля Провидения. Французская революция есть кара небес; поэтому Ж<озеф> де М<естр> прославляет палача как белого ангела. В книге «О папе» (1819) он предложил объединить все христ<ианские> церкви под главенством Рима и установить неограниченную светскую власть Папы.

Человек большого и мрачного ума, Ж<озеф> де М<естр> порою делал удивит<ель>ные предсказания. В 1810 он писал: «Если не вернуться к заветам древних, если не передать образование в руки священников, если не поставить науку всюду на второе место, то беды, к<ото>рые нас ожидают, окажутся неисчислимыми. Мы будем одурманены наукой, а это — последняя степень умственного падения». Он предвидел беды от культа науки.

В письмах к графу Разумовскому Ж<озеф> де М<естр> говорил о роли просвещения в России. Касался он и Петра I, утверждая, что петровское просветительство было преждевременным и вредоносным: оно должно привести к

появлению обширного слоя презирающих свою страну полузнаек, критиканов и разрушителей (предсказание русского нигилизма!).

Иоганн Готлиб Фихте (1762 — 1814)

Немецкий философ, второй (после Канта) деятель классического идеализма. Был профессором Йенского университета, но летом 1799 был вынужден покинуть Йену вследствие обвинения в атеизме: он отвергал личного Бога и понимал Бога как моральный порядок мира. В дальнейшем профессор Берлинского университета.

В 1800 вышла книга Фихте «Замкнутое торговое государство»; в ней он защищал и идеализировал сословные отношения. Одновременно его политический идеал, отмеченный немецким провинциализмом и национальной исключительностью, обладал чертами социальной утопии: согласно Фихте, все граждане имеют право не только на формальную свободу и защиту от насилия, но также на собственность, на труд и на участие в доходах от государственного хозяйства.

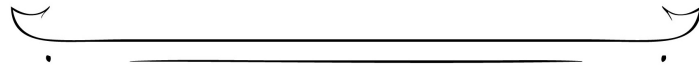
Центральным вопросом этики стал для Фихте вопрос о свободе. Подобно Спинозе, Фихте видит в свободе не беспричинный акт, но действие, основанное на познании непреложной необходимости. В отличие от Спинозы, Фихте ставит степень свободы, доступную людям, в зависимость не от индивидуальной мудрости, а от исторической эпохи, к которой принадлежит индивид.

Началась наполеоновская эпопея. Прусская кампания 1806 года ошеломила мир: «Наполеон дунул на Пруссию, и Пруссии не стало» (Генрих Гейне). Берлин раболепно встретил завоевателя. И вот в обстановке французской оккупации Фихте в 1807 — 1808 читает в Берлине «Речи к немецкой нации» (изд. 1808), в которых провозглашает лозунг защиты национального суверенитета.

В «Речах» многое замечательно. Как сильно он говорит о пагубности пассивного ожидания помощи извне! Никто не поможет тем, кто молчит и терпит. Все помогут тем, которые сами себе помогают. Он звал слушателей к борьбе за освобождение не только Пруссии, но всей Германии. Эти речи — манифест прогрессивного национализма: они учили видеть в войне против французов борьбу за новое социальное устройство Германии. «Речи к немецкой нации» имели огромное значение. Впервые национальным героем стал философ.

Уже в 1808 образовался «Tugendbund» — союз для пробуждения прусского духа. В разных концах Германии начались выступления против тирании Наполеона. Когда с приходом Кутузова немцы начали Освободительную войну (1813), Фихте был вознесён в ранг одного из её вождей. Философ-герой доказал миру, что мысль может и должна быть делом: истинная философия есть поступок.

Кант создал этику долга: «Ты должен, значит ты можешь». Развивая эту идею, Фихте объявил, что весь мир — «материал исполнения долга». Интересен у него анализ тиранического сознания: переход аффекта свободы в аффект

самостоятельности и далее в аффект своеволия. Соблазн власти состоит в наслаждении неограниченными возможностями, в чувстве «я всё могу».

«Я всё могу» — слова, вырвавшиеся однажды у Наполеона. Промежуточное состояние между природой и нравственностью Фихте определил как «отрицательную свободу» — свободу от природы, но не свободу для нравственности. Опасность этого состояния в том, что индивид, освободившийся от природных страстей, становится сильнее всех, кто ещё остаётся у них в рабстве.

Фихтеанская философия действия сопрягается с верой в прогресс. Страстно трудясь над освобождением родины, Фихте надорвал свои силы, тяжело заболел и умер в 1814 году.

Активизм, моральное требование всегда переходить от наблюдения к делу, от теории к практике роднит Фихте с одной стороны с Кантом, с другой — с Ницше. Пламенным фихтеанцем был и юный Маркс. Согласно Фихте, общечеловеческой истории отходит от своего первоначального состояния, с тем чтобы в конце концов к нему вернуться (см. аналогичную концепцию Шиллера).

Первоначальным состоянием всех людей был первобытно-общинный строй. По-немецки это одно слово: Urkommunismus.

Туда-то и решит вернуться Карл Маркс.

Проблема истории у Фихте

С 1800 г. Фихте постепенно переходит от абсолютизации принципа деятельности к углублённому религиозно-мистическому созерцанию; смещаются акценты в его понимании свободы. Создаётся «философско-историческая концепция весьма пессимистически оценивающая современное состояние человечества» (П. П. Гайденко).

Вместе с тем, живо откликаясь на события эпохи, он осознаёт, что проблема свободы приобретает конкретно-исторический вид, превращаясь в проблему «социального и политического освобождения народов и стран Европы, Германии про преимуществу» (Н. В. Мотрошилова).

Поскольку действительность им воспринимается в чисто духовном измерении, то и решение проблемы построения справедливого общества не выходит за рамки идеалистической критики современности. Эта задача, как верно подчёркивает Куно Фишер, значителен ближе учению Фихте, чем натурфилософская.

Фихте говорит о развитии сознательного духа, о его влечении к свободе, составляющем неизменный фактор и движущую силу мировой истории. В этой истории Фихте пытается обнаружить неуклонный прогресс духа и прогресс в осуществлении свободы. Однако, поскольку он выводит начало истории культуры из противоречащей закону развития гипотезы первоначального или нормального народа, который сразу находится в обладании всем тем, что есть плод постепенного

развития, то история тем самым превращается в загадку. Она основывается не на познании исторических закономерностей, а на Божественном откровении.

Куно Фишер сделал вывод, что проблема истории у Фихте осталась нерешённой. Это так, но это не всё.

История начинается у Фихте с борьбы противоположностей — «нормального народа» и «естественных» народов. Начало истории — неравенство. «В философии истории Фихте неожиданно оказались соединёнными два противостоящих друг другу учения о первоначальном естественном состоянии ч<еловече>ства — Руссо и Гоббса» (П. П. Гайденко).

«Нормальный» народ ещё не может являться носителем свободы. В своей сущности он бездуховен, т. к. не осознал себя свободным, не понял своей самости, своей идеи или духа. Понимание свободы как нравственного закона не удовлетворяет Фихте, ибо он стремится исходить из чисто духовного основания, для к<ото>рого характерна прежде всего воля. Для обретения свободы, считает Фихте, необходим акт своеволия, акт самоутверждения.

В этом отношении немецкий народ является народом исключительным, ибо его духовное Я древне, как мир. Причина в том, что «только он [немец] способен к истинной и разумной любви к своей нации». (Фихте, «Речи к немецкой нации»). Эта любовь не имеет ничего общего с той религиозной покорностью, к<ото>рую проповедают тираны, жаждущие отослать на небо всех остальных людей, чтобы самим остаться на земле.

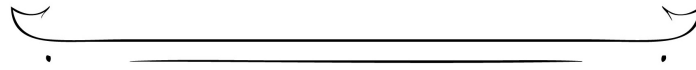
Социальная утопия Фихте — тоталитаризм, с ликвидацией пауперизма, с обеспечением масс работой, с устранением паразитизма правящих классов, с централизованным планированием экономики. Главный путь решения социальных проблем — перестройка всей системы национального воспитания (Bildung).

Романтический историзм

Романтизм — художественная и философская критика противоречий цивилизации. Пафос романтизма — разоблачение дисгармонии соврем<енно>го мира, стремление к идеальному ч<еловече>скому развитию и гармоническому обществу.^{*} Романтики считали, что историч<еский> прогресс разрушителен; у многих развивается идеализация исторического прошлого и сентиментальная критика капитализма.

После Франц<узской> революции и наполеоновских войн с их кровавыми греко-римскими добродетелями Европа искала в прошлом новых пунктов соотнесения, пунктов иных, нежели эта однообразно героическая античность. Она обратилась к Средним векам, и это была настоящая культурная революция. Как Возрождение и

* На поле слева красными чернилами восклицательный знак.

классицизм обращались к античности, так романтизм — к Средневековью. Незадолго до Ватерлоо Вальтер Скотт создал исторический роман.

Но классиком романтизма был хромой дэнди Байрон (1788 — 1824), создавший по своему образу и подобию загадочных скитальцев, действующих преимущественно на Востоке. «Байронический герой» — разочарованный титан, бунтарь-одиночка с таинственным (нередко преступным) прошлым. В литературе этот тип восходит к герою-злодею (the hero villain) готического романа. Байронический герой одержим любовью к прекрасной женщине, но любовь его трагична. Удешевлённым переизданием байронического героя позже стал граф Монте-Кристо из романа А. Дюма-отца.

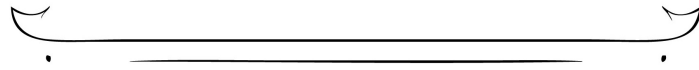
Князь П. П. Вяземский сказал о Байроне, что краски его романтизма сливаются с красками политическими. Подтекстом байронического героя был революционизм, который позже перестал ощущаться.

Новоевропейская мифология была мифологией без Бога. И не обязательно было отрицать бытие Бога; достаточно было не принимать Его в расчёт. Людвиг Витгенштейн: «“Фауст” Ленау примечателен тем, что человек в нём вынужден иметь дело только с дьяволом. Бог же не шелохнётся». Романтик Клейст констатировал: «Даже величайшие атеисты не утверждают, что дьявола не существует». Часть романтической мифологии — уже мифология дьявола: Байрон, Шелли и прочие прометиды открыто восстали против Бога и выразили сочувствие Его оппоненту. В России к этому направлению близок «Демон» Лермонтова. Миф титанической личности сливается с романтическим (революционным) «сатанизмом».

В прямом родстве с гуманистическим богоборством состояли романтический революционизм (героика заговоров и кинжалов), утопический социализм и марксизм. В 1834 в Париже немецкий демократ Якоб Вендлей, неразлучный с кинжалом, основал тайное общество эмигрантов — «Союз справедливых». Идеологом этого союза стал уравнитель Вильгельм Вейтлинг, который первым коммунистом считал Иисуса Христа. Ученик Вейтлинга Маркс превратит это общество в «Союз коммунистов».

Отношение романтизма к истории

Романтизм отверг механистический рационализм Просвещения, показывая антагонистический характер прогресса; отверг веру в гармоническое развитие мира, провозгласив, что прогресс достигается мучениями и самопожертвованиями Духа. Романтизм создал метафизическую концепцию исторического развития, мотором которого является Дух; он совершенствуется и творит всё новые формы, но остаётся неизменным в своей сущности. В этом процессе реализуются важнейшие

ценности: свобода, всеобщая любовь, единение с Богом. Эти концепции опирались на Шеллинга и Гегеля, но часто вели к спиритуализму и мистицизму.

В романтическом мировоззрении важнее всего — оппозиция универсалистской трактовки действительности (подчёркивание единонаправленности и монолитности главных начал мирового развития) и партикуляристских тенденций, акцентирующих отдельность ситуаций и исторических миссий народов, что выразилось, между прочим, в мессианизме и разнородных концепциях нации (романно-германское духовное господство у Гегеля, славянофильство, польский мессианизм, арийская теория и мн<ого> др<угое>).

Противоположность Пушкина и Гоголя

Пушкин отдал дань пессимизму романтиков («На свете счастья нет, Но есть покой и воля»). Однако основной пафос его творчества — вера в ч<елове>ка и его неисчерпаемые возможности.

Самостоянье человека —
Залог величия его.

Но дурная среда искажает всё ценное в ч<елове>ке; только исторический прогресс может привести к обновлению отечества, а затем и души русского человека. Пушкин — продолжатель Просвещения.*

* Между страницами вложены два листа со вписками (второй — машинописный):

1. Пушкин, статья «Джон Теннер». «Шатобриан и Купер <...> закрашили истину красками своего воображения».

«“Записки” Теннера об американских индейцах разливают истинный свет на то, что некоторые философы называют естественным состоянием ч<елове>ка».

Пушкин читал Вико (во франц<узском> переводе Мишле).

2. В своих ранних произведениях о Петре Пушкин слишком его идеализировал. За личностью царя не видел страданий и мук народа. Петр предстает лишь как просвещенный монарх. Но с 1830 года он начинает по-новому оценивать деятельность Петра. Это было следствием перемен в общественной жизни России, его отношений с Николаем I.

В 1833 году Пушкину становится ясным, что Пётр I создал политическую систему, которая была не чем иным, как тиранией, деспотизмом. Пушкин видел жестокость самодержавного произвола. «Достойна удивления, — писал Пушкин, — разность между государственными учреждениями Петра Великого и временными его указами. Первые суть плоды ума обширного, исполненного доброжелательства и мудрости, вторые нередко жестоки, своенравны и, кажется, писаны кнутом. Первые были для вечности или по крайней мере для будущего, — вторые вырывались у нетерпеливого самовластного помещика» /Пушкин А. С., Полное собрание сочинений в 10-ти т. т. Т. IX, С. 287./

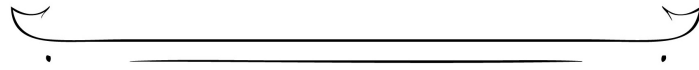
Итак, в 30-е годы, Пушкин ищет в истории материала для широких социально-исторических обобщений современных политических вопросов и тем. В последние годы жизни «он намеревался написать “Историю Петра” и усиленно собирал для нее материал» /Купреянова Е., «Медный всадник» А. С. Пушкина, Л., Издание пушкинского общества, 1947 г., С. 3./

В 1833 году в Болдино А. С. Пушкин написал одно из величайших своей произведений — поэму «Медный всадник».

Пушкин обращается в «векам старинной нашей славы». Его особенно привлекала эпоха Петра.

Чернышевский писал о Пушкине: «Он хотел быть русским, историческим поэтом, — Борис Годунов, Полтава, Медный всадник, отчасти «Капитанская дочка» были созданы не только художнической потребностью, но и желанием выразить свое определенное созерцание явлений русской истории» /Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: В 5-ти т. т. М., 1948 — т. 4 — С. 630./

К теме Петра Пушкин обращается в «Полтаве». К 1828 году относятся первые наброски поэмы. В ней изменинику России поэт противопоставляет подлинного строителя новой государственности — Петра.

Гоголь не был столь оптимистичен, как Пушкин. По Гоголю, чтобы изменить ч<елове>ка, не нужно изменять суц<ест>вующий порядок вещей, а нужно разбудить в каждом индивиде ныне спящее активное начало. Нравственное пробуждение личности Гоголь противопоставлял общественному прогрессу: тут у них с Пушкиным полное расхождение. Гоголь — романтик. Искусство он понимает как сильнейшее средство нравственного воспитания людей. Искусство способно отвратить их от зла, пошлости и мелочного практицизма и возбудить в них порыв к самосовершенствованию, красоте, идеалу.

Пушкин любит европейскую цивилизацию и за неё многое прощает и Петру I, и даже Николаю I. Гоголь (особенно к концу жизни) — в ужасе от цивилизации.

Пушкин содал в русской лит<ерату>ре исторический роман вальтерскоттовского типа («Арап Петра Великого», «Капитанская дочка»). — У Гоголя в «Тарасе Бульбе» историзм условен, приметы времени размыты, и картина вольной казацкой республики служит формой национальной утопии.

В трагедии «Борис Годунов» Пушкин показал определяющую роль народного мнения в историч<еских> событиях. В то же время авантюриста Гришку Отрепьева Пушкин рисует не без сочувствия, любуется им, как любовался и Пугачёвым. По мысли Пушкина, России не достаёт личностей. Гоголевская трактовка истории исключает и осуждает личное начало (история любви и предательства Андрия в «Тарасе Бульбе»).

NB «Пушкин поставил русский вопрос о нравственном смысле истории» («Полтава», «Борис Годунов», «Медный всадник»).

<О романтизме>

В искусстве романтизма «средневековая» живописность победила псевдо-классическую статуарность. Готические здания, дотоле считавшиеся верхом безобразия, сделались воплощениями красоты и духовности. В 1831 вышел роман Виктора Гюго «Notre Dame de Paris», в к<ото>ром главным героем стал готический собор, т. е. старая Франция.

Культ античности при классицизме был международным, безнациональным. Романтики обожали свою национальную старину; романтич<еский> историзм есть форма национализма. Руссо и романтизм открыли противоречивость прогресса: он сопровождался падением нравов.

Это соответствовало легенде, которая была популярна у передовой части молодежи. По ней Петр являлся великим реформатором, революционером на троне, русским «Робеспьером и Наполеоном» одновременно. Именно как революционный акт расценивал Пушкин уничтожение Петром боярских прав и привилегий, юридически закрепленное «Табелью о рангах». Табель открывала доступ к дворянству лицам безродным, по выслуге чинов. Тем самым кастовая замкнутость привилегированного сословия разрушалась. В декабристских кругах перед великим реформатором преклонялись. «Мы прославляем патриотизм Брута, — писал Н. Тургенев, — но молчим о патриотизме Петра, также принесшего своего сына в жертву отечеству». /Гроссман Л. П. Пушкин. Там же. — С. 431/

Романтич<еский> бунт против деградации ч<еловече>ской личности при капитализме не свободен от иллюзий прошлого: он поэтизирует и защищает их.

Одновременно идёт атака на разум — критика просветительского оптимизма и культа науки. Весной 1819 Джон Китс заявил в одном из писем: «Сердце — вот Библия ума». И далее: «Я не верю ни во что, кроме святости привязанностей сердца и истинности воображения».

Космизм романтиков. Конфликтам своей эпохи романтики часто придавали космический характер, проецировали их на вселенскую, пользуясь для этого библейскими, античными мифами и фольклором: «Пророческие книги» Вильяма Блейка, «Небо и земля», «Каин», «Еврейские мелодии» Байрона, «Освобождённый Прометей» Шелли, «Дяды» Мицкевича.

В «Королеве Маб» Шелли, развёртывается вся европейская история, начиная с античных времён и кончая будущим золотым веком. Поэзия Шелли оптимистична, никакой мировой скорби. Шелли гордо заявляет: «Поэты — тайные законодатели ч<еловече>ства».

Пьер Симон Балланш (Ballanche, 4 авг<уста> 1776 — 12 июня 1847)

Писатель и поэт, род. в Лионе. Болезненный, умный и тихий созерцатель жизни. Отец Б<алланша> владел типографией и книжным магазином, и Б<алланш> сам долгое время возглавлял эту фирму. Во время Революции жил в эмиграции, в Англии. Начало его известности связано с поэмой «Antigone» (1814). Собственно, это символично-эпическая проза, написанная прекрасным языком. Она может служить введением к историко-философским сочинениям Балланша, т. к. содержит в зародыше учение об Искуплении — базу его философии.

Реставрация Бурбонов побудила Б<алланша> поселиться в Париже. Здесь в 1818 был опубликован его «Essai sur les institutions sociales», где он стремился примирить воззрения крайних- со взглядами либералов.

Важнейший труд Б<алланша> — незаконченная философия истории «Essai de palingénésie sociale»: мистическая трактовка истории. Б<алланш> долго оставался незамеченным. В 1834 в Париже вышло Полное собр<ание> соч<инений> (4 т<ома>), и он стал пользоваться нек<ото>рым влиянием. С 1842 академик.

Историзм Гегеля

Георг Фридрих Вильгельм Гегель (1770 — 1831) — создатель системы абсолютного идеализма, представитель «протестантского неогуманизма», испытавший сильное влияние Гердера и Гёте.

⌒
_____⌒

Г<егель> полно и стройно сформулировал принцип историзма (рассмотрение всех явлений в их становлении и развитии). «История дела — само дело». Надо описывать не изолированный предмет или явление, не готовый результат, а результат вместе с его становлением. Всякий предмет должно оценивать в его исторических условиях, с учётом диалектики развития.

История вселенной и ч<еловече>ства есть процесс развития Мирового Духа (Weltgeist), процесс внешнего обнаружения силы мысли. Историч<еский> процесс есть отражение логического процесса («панлогизм Гегеля»). Великие индивиды, действуя в своих партикулярных целях, оказываются осуц<еств>лением субстанциональности, выражающей волю Мирового Духа.

Напр<имер>, для Гегеля Наполеон — это Мировой Дух верхом на коне, величественный и прекрасный герой: субъективно он творил произвол, но объективно осуц<еств>лял высшую историческую необходимость. Он «великий учитель государственного права». Франц<узская> революция была неизбежным логическим следствием Просвещения (Гегель всю жизнь приватно отмечал день взятия Бастилии), веры в естественное равенство людей. Однако, сохранив политическую власть, Революция породила противоречие, к<ото>рое столь же неизбежно привело её к краху.

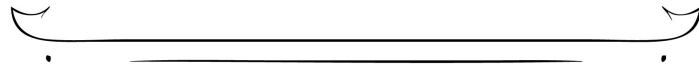
Из ужаса и крови родилась новая, столь же закономерная форма власти — Империя; в ней сохранены все достижения Революции без её пороков. В лице Наполеона абсолютная власть реализовала себя. Так гласит «Феноменология духа», к<ото>рую Гегель закончил перед вступлением французов в Йену (1806).

«Феноменология духа»

В этой книге Г<егель> проанализировал развитие ч<еловече>ского сознания от низшей ступени — непосредственного чувственного восприятия — до высшей — полного знания.

Сознание в своём развитии проходит три главные ступени: 1) предметное сознание (или чувственная достоверность), 2) самосознание, где предмет и сознание (= понятие) целиком совпадают, это тождество субъекта и объекта; 3) абсолютное знание, где разум рассматривается как источник всякой достоверности и истины.

Все ступени сознания взаимообусловлены, переход от низшей ступени к высшей осуц<еств>ляется в поступательном диалектическом развитии, через отрицание отрицания. Но прежде чем сознание возвысилось до разума, ему пришлось начать с рабского сознания, характерного главн<ым> обр<азом> для античности. В ходе развития рабское созн<ание> выкристаллизовывалось в три феноменологических образа: стоицизм, скептицизм и несчастное сознание. Последнее — непосредственная ступень к высшему образу общественного сознания, к разуму.

Гегель рассматривает и другие феноменологические образы, возникшие в ходе исторического развития: благородное сознание — сознание дворян; низкое сознание — сознание тех, кто ненавидит господ; разорванное сознание — сознание, отвергающее все моральные устои феодального общества; честное сознание — сознание, рассматривающее моральные принципы как нечто устойчивое, раз навсегда данное; просвещение, или сознание, породившее социальный и духовный кризис во Франции XVIII века.

Правительство, которое провозглашает, что оно есть осуществление всеобщей воли или всеобщей свободы, в действительности «не может проявить себя иначе, как в виде некоей партии (Faction)», при этом оно устанавливает такой порядок, с которым индивидуальное сознание мирится только под страхом смерти. В то же время Гегель рассматривал Французскую революцию, включая и якобинскую диктатуру, как нечто вполне закономерное, исторически неизбежное.

В «Феноменологии духа» доказывается благотворность войны. «Война предохраняет народы от гниения». Люди склонны забывать, что они лишь частицы великого целого. Их помыслы направлены на достижение сугубо личных целей — приобретение имущества и наслаждения. Чтобы не дать людям закоснеть в изолированности, чтобы не исчез дух общности, правительства обязаны время от времени потрясать войнами их бытие. Индивидуам, которые отказываются от целого, стремятся лишь к жизни для себя, полезно показать их абсолютного господина — Смерть.

По Гегелю получается, что война есть педагогический приём Мирового Духа (ср. выше — Жозеф де Местр).

Из Гегеля

Первоначальное состояние человеческого общества — это борьба не только за жизненные ресурсы, но и за то, чтобы сородичи были уважаемы противником. Борьба идёт упорная — побеждённые либо убиты, либо сдались. В этом случае он становится рабом. Диалектика, однако, такова, что мир изменяет не господин, а невольник — своим трудом, работая до тех пор, пока господин зависит от него. Этим он добивается признания. Великая Французская революция и есть тот момент, когда это происходит. Лишь она делает возможным возникновение универсального, гомогенного, правового государства, гарантирующего каждому гражданину, что любой гражданин найдёт такое же признание, как и он сам. Достигнута эмансипация, все свободы. С Наполеоном Бонапартом история цивилизации заканчивается, равенство обеспечено.

Гегель подошёл к понятию признания с формальной точки зрения, пытаясь сформулировать его объективно. На практике фальшивые свобода и равенство

современной цивилизации перестали удовлетворять людей. Страх и ненависть охватывают всё новые массы людей, делая их поведение абсолютно асоциальным.

Презрение к человеку, презрение к народам

По Гегелю, люди — материал для самоосуществления Мирового Духа. Он использует игру людских страстей и интересов как средство к достижению этой цели. «Частные интересы вступают в борьбу между собой, и нек<ото>рые из них оказываются совершенно несостоятельными... Можно назвать хитростью Разума то, что он заставляет действовать для себя страсти... Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель» (Гегель, «Лекции по философии истории»). Но при этом → «Разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирноисторический процесс совершается разумно» (там же).

Гегель многократно подчёркивал несущественность частного. Стоит напомнить, что «частное» — это любой из нас.

«Право Мирового Духа выше всех частных прав». В числе последних — и наше право на жизнь. Мировой Дух столь богат ресурсами, что может действовать размахисто, не считаясь с миллионами жизней. В сущности, чудовищная логизация мировой истории у Гегеля с его оптимистической телеологией глубоко безнравственна. Все злодеяния и геноциды логичны. Гегель не то, чтобы прославлял их, но убедительно показывал, что бороться против них глупо.

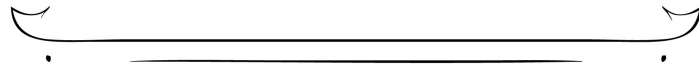
Историзм Гегеля упраздняет кантовский дуализм явления и сущности (феномена и ноумена). По Канту, сущность непознаваема. Для Гегеля нет ничего непознаваемого, хотя есть пока ещё не познанное. Философия Гегеля оптимистична.

Для Г<егеля> характерно различение ведущих и ведомых народов. Народ, несущий идею, в к<ото>рой воплощается Мировой Дух, движет ч<еловече>ство вперёд и ведёт за собой другие народы, к<ото>рые остаются всего лишь материалом для истории.

Изворотливость Гегеля и его легкомыслие

«Народы и правительства никогда ничему не научились из истории и никогда не действовали согласно максима́м, из неё извлечённым. Каждая эпоха обретается в условиях столь своеобразных, создаёт ситуацию столь индивидуальную, что в этой ситуации должно и возможно принимать решения только через неё саму».

Вот тут он совершенно прав. Многое он понимал верно. Но понимание уникальности исторической ситуации не мешает ему провозглашать общие принципы, порою весьма глупые. Например:

«Война предохраняет народы от гниения» (любимый лозунг германского национал-социализма в XX веке). Гегель пояснял, что удачные войны не дают развиваться «внутренним смутам» и «укрепляют государство». Этой идее профилактирования революции войнами верно следовал последний русский царь. Результат плачевен. Ибо Гегель умолчал, что неудачная война вызывает революцию. Может ли быть более легкомысленный политич<еский> советник, чем доктор Гегель?

Скрытый миф системы Гегеля — это культ государства. Идеалом государства у него предстаёт прусский военно-полицейский режим, с к<ото>рым Гегель после падения Наполеона отлично поладил. И он ещё имел наглость заявить: «Государство — это шествие Бога в мире» А народ?

Ответ Гегеля: «Народ не знает, чего он хочет».

Или изящнее: «Масса лежит вне понятия».

Гегель назвал историков пророками, предсказывающими вспять.

Правят ли мнения миром?

Гегель отвечает: да, конечно, разум правит историей, но в том же смысле, в каком он правит ходом небесных светил, т. е. в смысле законосообразности. Люди не сознают законов исторического развития. Сова Минервы вылетает только ночью. Когда философия начинает выводить свои серые узоры на сером фоне, когда люди начинают вдумываться в свой общественный строй, значит этот строй отжил своё время и готовится уступить место новому, истинный характер к<ото>рого опять станет ясен людям лишь после того, как он сыграет свою историческую роль: сова Минервы опять вылетит только ночью. Философия есть умственное выражение своего времени, каждая система верна для одного времени и ошибочна для другого.

Причины историч<еских> событий

Вся история какого-л<ибо> народа есть реализация Идеи. Каждый народ осущ<еств>ляет свою особую Идею, она же — ступень в развитии Абсолютной Идеи.

Отчего пала Греция? Гегель отвечает: оттого, что Идея Прекрасного, к<ото>рая составляла принцип греческой жизни, центр греческого духа, могла быть лишь очень непродолжительной фазой в развитии Всемирного Духа. Гегель чувствует напыщенную пустоту этого ответа и спешит дополнить его ссылкой на экономическую действит<ель>ность древней Греции: «Лакедемон пал главным образом вследствие неравенства имуществ». Так он часто в своей философии истории туманные ссылки на свойства Абсолютной Идеи дополняет убедительными материальными объяснениями. И при этом он ещё смеет заявлять: «Идеализм оказывается истиной материализма».

Оборотная сторона его историзма

Гегелевское прославление непрерывного поступательного движения истории есть своего рода утешение в пассивности, иллюзорная замена активной общественной борьбы. От Спинозы пошло истолкование свободы как «осознанной необходимости»: это была реставрация стоического идеала внутренней свободы. Но у Гегеля и его школы это стало философским алиби конформизма.

Ещё Вильям Питт сказал: «Необходимость — отговорка тиранов и религия рабов». Положение «свобода есть осознанная необходимость» означает, что в жертву истории приносится мораль. История выводится из-под моральной оценки (см. выше пример с Наполеоном). В Гегеле просвечивает дух давно покойного Маккиавелли.

В основе гегелевской теории чередования национальных цивилизаций лежит представление о том, что мировая история есть постепенное развитие и обнаружение Мирового Духа. Завершающей стадией этого развития является романо-германское духовное владычество. Славяне, по Гегелю, не создали исторических и культурных ценностей, т. к. поздно выступили на арену всемирной истории.

Историзм Гегеля на деле означает подчинение философского мышления истории: в итоге рациональная трактовка наличной действительности отодвигается на второй план. Если действительность плоха, то это объясняется целым рядом исторических причин, превышающих такие «субъективные факторы», как совесть и воля индивидов. «Понять — значит простить». Гегель успокаивает: всё закономерно, «история движется вперёд через наихудшие свои проявления».

Гегелевская система создана, чтобы примирить ещё довольно отсталую Германию с европейской цивилизацией; она имела своим движущим принципом снятие и преодоление противоречий. Эта система может быть понята как совпадение логики мысли и логики желания, Логоса и Эроса, сознания и подсознания. Германия была уже преобразована после наполеоновских войн, и цель Гегеля состояла в том, чтобы заставить нацию примириться с этой новой реальностью, пожелать её, «увидеть во сне».

Гегель об искусстве

Историзм Гегеля распространяется и на иск<усст>во. Источник развития и смены «формы иск<усст>ва» лежит вне этих форм: «формы искусства как развёрнутое осущ<еств>ление прекрасного находят своё происхождение в самой идее таким образом, что последняя осуществляет и изображает себя через них» (Гегель: Эстетика в 4-х тт. Т. 2. М., 1969. С. 7).

Сама же идея прекрасного, определяющая развития иск<усст>ва, несёт в себе свой собственный источник развития: «идея есть поистине идея лишь как развивающаяся для самой себя посредством собственной деят<ель>ности» (там же).

«Безразлично, будем ли мы рассматривать поступательное движение в ходе этого развития как внутр<еннее> поступат<ель>ное движение идеи, взятой в себе, или как поступат<ель>ное движение формы, в к<ото>рой идея даёт себе существование» (там же, с. 8).

Какой высокопарный бред!

Религиозность системы Гегеля

Система Гегеля — это псевдо-религия. Его философия истории теологична, это Historia Sacra в наукообразной форме. Любое будущее заканчивается самоосуществлением Абсолютной Идеи. Поскольку эта самореализация мнится Гегелем в его эпохе, в его же системе, постольку это самоосуществление представляется уже близким. Возникает вопрос: что будет потом, по завершении истории?

Гегель избегал этого вопроса, проблематика будущего у него осталась неразработанной. Он боялся тех выводов, к<ото>рые сделали из его философии истории Генрих Гейне и Карл Маркс.

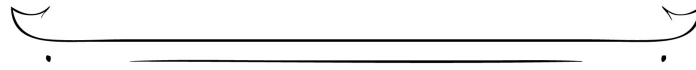
Сам Г<егель> считал себя новым Аристотелем, но его система обнаруживает глубокую связь с объективным идеализмом Платона. Правда, вслух он пытался утилитарно оправдать религию:

«Сокровеннейшее в ч<елове>ке, его совесть, только в религии получает своё абсолютное обоснование и надёжность. Поэтому государство должно опираться на религию...»

Отбиваясь от доносов духовенства и обвинений в безбожии, Г<егель> заявил: «Я лютеранин и хочу остаться им». На деле он пантеист, последователь Спинозы и Гёте.

По Гег<елю>, три основных типа религии — естественная, художественная и религия Откровения — представляют собой последовательные этапы развития. Христианство он объявлял «истинной» религией, но видел в нём одну из исторических форм развития.

Гегелевская философия истории удерживает христианское представление о единстве, направленности и осмысленности историч<еского> процесса. «Философия... должна... способствовать пониманию того, что действит<ельный> мир таков, каким он должен быть, что истинное добро, всеобщий божественный разум, является и силою, способной осущ<еств>лять себя. Это добро, этот разум в его конкретнейшем проявлении есть Бог. Бог правит миром; содержание его правления, осущ<еств>ление его плана, есть всемирная история. Философия хочет понять этот план, потому что только то, что из него осущ<еств>ленно, действительно; то, что не соответствует ему, представляет собою лишь гнилое существование» (Лекции по философии истории. СПб, 1993. С. 87).

Мыслящее рассмотрение предметов возможно потому, что «разум господствует в мире, так что, следоват<ель>но, и всемирноисторический процесс совершался разумно» (там же, с. 64).

Только поверхностному взгляду история представляется совокупностью произвольных действий людей, стремящихся удовлетворить свои индивидуальные страсти. Философский взгляд прозревает за игрой ч<еловече>ских страстей и интересов действие Разума, осущ<еств>ляющего свою цель, использующего деят<ельно>сть людей лишь как средство для достижения этой цели. «Частные интересы вступают в борьбу между собой, и нек<ото>рые из них оказываются совершенно несостоятельными... Можно назвать хитростью разума то, что он заставляет для себя страсти... Частное в больш<инст>ве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель» (там же, с. 84).

Несущественность частного Гегель подчёркивает неоднократно. «Право мирового духа выше всех частных прав»; «разумное осуществляется в ч<еловече>ском знании и хотении как в материале» (там же, с. 88, 89). Через хаос сталкивающихся индивидуальных действий ч<еловече>ство, направляемое Божественным Разумом, необходимо шествует к определ<енной> цели. Всемирная история есть «выражение Божественного, абсолютного процесса духа в его высших образах, она есть выражение того ряда ступеней, б<лагода>ря к<ото>рому он осуществляет свою истину, доходит до самосознания... Всемирная история только показывает, как в духе постепенно пробуждается самосознание и стремление к истине; в нём появляются проблески сознания, ему выясняются главные пункты, наконец он становится вполне сознательным» (там же, с. 102).

«Всемирная история есть прогресс в сознании свободы, — прогресс, к<ото>рый мы должны понять в его необходимости» (там же, с. 72).*

Эрнст Трёльч:

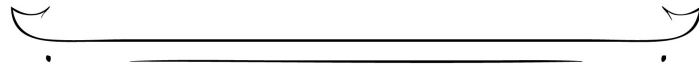
«Затем оба направления, формальное своеобразие истории и создание содержания духовных ценностей из истории, дал в первую очередь Гегель. Цель составляют у него европейские гуманность и воплощающее её государство. Тем самым достигнута решающая противоположность математически-естественнонаучному мировоззрению, к<ото>рое введено как рефлексивное поверхностное учение в почерпнутое из истории глубинное учение».

(«Историзм и его проблемы», М., 1994, с. 23).

Религиозность системы Гегеля <продолжение>

Вскоре после смерти Гегеля было показано сущностное тождество его Системы с религией. По Марксу, это пантеистический мистицизм; другие отмечали близость

* На поле слева вертикальная скобка ко всему абзацу и восклицательный знак.

Гегеля с спинозизму Гёте, только у Гегеля это спинозизм гностический и спекулятивный, без чувственного поэтического обаяния Гёте.

Гегелевская философия истории — продолжение иудео-христианской традиции. Вся гегелевская история — это теофания Мирового Духа. Всякое историческое событие должно было произойти только так, как произошло, ибо так пожелал Мировой Дух, он же Всеобщий Разум. Через все ужасы и кровопролития мир неуклонно движется к благой цели — окончательному самопознанию Мирового Духа. Это, по выражению Мартина Бубера, — «секуляризованный самомессианизм».

В наше время Жак Лакан (творец структурного психоанализа) защищает Гегеля. По Лакану, диалектика самосознания, идя от Сократа к Гегелю, от ироничного предположения реальности всего рационального устремляется к научному суждению, гласящему, что всё реальное рационально.

Структурные моменты гегелевской феноменологии — это, в первую очередь, диалектика господина и раба, диалектика «прекрасной души» и «закона сердца». Гегель пророчески требовал глубинной идентичности частного и универсального. Так говорит Лакан.

Алексей Цветков в эссе «Futurum imperfectum» пишет: «Теоретиком исторического террора стал Гегель, к<ото>рого университет аттестовал как начисто лишённого способностей к философии (Герострат, впрочем, тоже не имел архитектурного диплома).

<...> Здесь важно отметить одну характерную черту гегелевского наследия, его бронированный иммунитет к любой критике. Даже гусь в конечном счёте, потопляем, но имя, если не дело, Гегеля наверняка переживёт скромную известность Карла Поппера, к<ото>рый не оставил от него камня на камне» («Иностранная» лит<ература>ра». 1997, № 1. С. 228—229).

Экономический романтизм Сисмонди

Женевский гуманист и радикал Жан — Шарль-Леонар Сисмонди (Симонд де Сисмонди, 1773 — 1842) входил в кружок м<ада>м де Сталь, подолгу жил и работал у неё в Коппэ. Главным его занятием была история. Она написал «Историю итальянских республик».

Именно Сисмонди ввёл в науку термин «пролетариат»: точнее, возродил и переосмыслил древнеримский термин.

Первым, до Маркса, Сисм<онди> поставил под сомнение естественность и вечность капитализма. Его сочинения полны искреннего сочувствия к тяжёлой судьбе трудящихся, отличаются живостью и ярким стилем. В противовес школе Смита-Рикардо, Сисм<онди> в политической экономии выдвинул на первый план не накопление, а противоречие между производством и потреблением, а в связи с этим — проблему рынка и реализации.

⤿
_____⤿

Сисм<онди> фиксировал внимание на кризисах перепроизводства и видел спасение от них в процветании мелких товаропроизводителей и в наличии обширного внешнего рынка (он не представлял, что кризис может стать мировым). Сисм<онди> выступал против свободной конкуренции и требовал ограничивающих и регламентирующих её социальных реформ. Враг крупного предпринимательства, он ратовал за то, чтобы не допускать концентрации богатства в руках немногих лиц.

Экономический романтизм Сисмонди имел утопич<еский> характер: он черпал вдохновение в прошлом и предлагал демонтаж новейшей индустрии. Но эта реакционность («мелкобуржуазный социализм») сочеталась с духом гневно-социального протеста.

Из последователей Сисмонди крупнейшим был, конечно, Карлейль. <см. ниже>.

Barthold Georg Niebuhr (1776 — 1831)

Датчанин по происхождению, немецкий историк античности, с 1806 либеральный госуд<арственный> деятель на прусской службе; с 1811 читал в Берлине, а с 1823 в Бонне лекции по древней истории. В промежутке между Берлином и Бонном — Рим, где Нибур с 1816 был прусским посланником. На базе его лекций написана трёхтомная «Römische Geschichte» (1811 — 1832); труд его остался незавершённым. В центре его изображения — римская крестьянская община ранней эпохи. Методически Нибур явился основателем научно-критической историографии («филологически-критический метод»).

Georg Büchner (1813 — 1837)

Немецкий революционер Георг Бюхнер, рано умерший брат философа и автор трагедии «Смерть Дантона», в 1833 писал своей невесте: «Уже в течение неск<оль>ких дней я каждую минуту берусь за перо, но я не могу написать ни слова. Я изучал историю революции. Я чувствовал себя как бы раздавленным ужасным фатализмом истории. Я вижу в ч<еловече>ской природе отвратительную заурядность, в ч<еловече>ских же отношениях непреодолимую силу. принадлежащую всем вообще и никому в частности. Отдельная личность есть лишь пена на поверхности волны, величие — лишь случай, власть гения — лишь кукольная комедия, смешное стремление бороться против железного закона, к<ото>рый в лучшем случае можно лишь узнать, но к<ото>рый невозможно подчинить своей воле».

Драма Бюхнера «Смерть Дантона» отличалась исторической точностью и интуицией; в ней сентябрьские убийства 1792 года — кошмар Дантона до последних дней его жизни, но своё решение в сент<ябре> 1792 (он был тогда министром

юстиции) Дантон объясняет угрозой иностранной интервенции. Бюхнер гениально понимал историю.

Французские историки-либералы эпохи Реставрации

Работы Тьерри, Гизо, Минье и др<уги>х последовательно защищают интересы среднего класса от абсолютизма и феодальной реакции. Наиболее выдающимся в этой либеральной плеяде был Огюстен Тьерри (1795 — 1856), на мировоззрение к<ото>рого определяющее влияние оказал Сен-Симон.

Автор книг «История завоевания Англии норманнами», «Рассказы о временах Меровингов», «История происхождения и успехов третьего сословия», один из основателей романтического направления в историч<еской> науке. Карл Маркс назвал его: «отец “классовой борьбы” во французской историографии». Теория вечной борьбы классов имела романтическое происхождение.

Тьерри, рассматривая борьбу религиозных сект и политических партий с точки зрения интересов различных классов, объяснял происхождение этих классов французским завоеванием Галлии (развитие идеи графа де Булэнвилье, 1727 год). «Tout cela date d'une conquête; il y a une conquête là-dessous». Завоеватели-франки стали феодалами, а покорённые галлы — крепостными крестьянами, из к<ото>рых позже выделилось третье сословие (буржуазия). Тьерри гордо называл себя сыном третьего сословия и посвятил всю жизнь разработке его истории. Он описал и воспел борьбу буржуазии против дворянства.

Видным историком был Франсуа-Пьер Гизо (Guisot, 1787 — 1884). Он заявил: «Мы сыны третьего сословия, вышедшего из городских коммун». Для него история цивилизации во Франции и Европе — это прежде всего история возвышения буржуазии и её борьбы за власть. В своих «Опытах по истории Франции» Гизо бичует феодализм.

Согласно Гизо, историч<еский> процесс определяется социальными отношениями, а эти последние — имущественными: этим он предвосхитил экономический детерминизм К. Маркса. Гизо был идеологом крупной буржуазии, враждебно относился к народным массам. Став главою правит<ельст>ва при Луи-Филиппе, он сопротивлялся избирательной реформе (снижению ценза). На улицах Парижа кричали: «Долой Гизо! Да здравствует Реформа!» На эти требования Гизо цинично отвечал: «Обогащайтесь, и вы станете избирателями». Знаменитый лозунг: «Enrichissez-vous!»

Карл Маркс вполне заслуженно лягнул Гизо в самом начале «Манифеста коммунистической партии». Политика Гизо привела к падению Июльской монархии. Тем не менее, его понимание истории — предмарксистское.

В поздней своей эмиграции Гизо написал книгу, в к<ото>рой сравнивал две великих революции — Английскую и Французскую. Почему удалась первая и не

удалась вторая? Потому что Английская революция не порывала с религией. Она имела религиозный характер. Тут он предвосхитил Макса Вебера (см. ниже).

Либеральный историк Огюст Минье (1796 — 1884) — один из создателей буржуазной теории классовой борьбы. Борьба классов — главный двигатель исторических событий; её завершением должна быть победа буржуазии. В своём главном труде Минье обосновал историческую необходимость и плодотворность Великой Французской революции.

Либеральные историки эпохи Реставрации игнорировали пролетариат, и всё же ими навеяно известное положение «Коммунистического манифеста»: вся история общества есть история борьбы классов.

Постепенно утрачивает авторитет объяснение истории деяниями великих личностей. Историю определяют интересы и совокупные действия больших масс людей (классов и наций).

Иеремия Бентам (1748 — 1832)

Родился и умер в Лондоне, учился в Оксфордском университете; моралист и правовед, основоположник утилитаризма.

В своей этической теории Бентам сводил мотивы поведения к удовольствию и страданию, а моральность — к полезности поступка (utilitas). Согласно Бентаму, моральность может быть математически исчислена как баланс удовольствий и страданий, полученных в результате конкретного поступка. Эта «моральная арифметика» дополняется фактической апологией капитализма, поскольку Бентам объявлял удовлетворение частного интереса («принцип эгоизма») средством обеспечения «наибольшего счастья для наибольшего числа людей» (most happiness for most men). Разумный эгоизм. Формулу most happiness for most men Бентам объявил «принципом альтруизма».

Учение Бентама о «разумном человеке» направлено против теории естественного права. Фактически он свёл сущность человека к сущности буржуа. Его «принцип полезности» — фетишистское превращение экономического принципа.

Бентам выступал против теории общественного договора Руссо, ибо эта теория «возбуждает дух восстания» (верно). Бентам отстаивал право государства на решительное подавление народных волнений.

Отрицая «естественную религию», конструирующую Бога по аналогии с земными правителями, Бентам защищал «религию Откровения». Так называемая «реформа Бентама (союз религии с рационалистической философией)» отвечала духу промышленной революции в Англии и подготовила идеологию викторианской эры.

В 1834 вышел его главный труд — «Деонтология, или Наука о морали»: это система буржуазной этики, содержащая проповедь тождественности интересов

индивидов и общества в целом, сводимого к сумме интересов индивидов. Стремление каждого заботиться только о себе приводит к «наибольшему счастью наибольшего числа людей».

Б<ентам> был идеологом либерализма, выступал за свободную торговлю и за расширение избирательного права. В теории познания Б<ентам> — номиналист. На основе его рукописей Буль сформулировал теорию квантификации предиката.

Этьен Кабе (1788 — 1856)

Франц<узский> утопический социалист; был членом тайного общества карбонариев, участвовал в июльской революции 1830 года. В своём фантастическом романе «Путешествие в Икарию» (1840) доказывал превосходство социалистического общества над капиталистическим.

Икария — блаженная страна, изолированная от всего мира; для жителей её время как бы остановилось, ибо они достигли идеала всеобщего благоденствия и равенства. Национальное собрание икарийцев утверждает общий для всех покрой одежды, одинаковые дома, определённый порядок приёма пищи. Строгое законодательство о браке и семье устраняет ревность и адюльтер; упорядочена сама природа — на Икарии живут только полезные животные (вредных истребили).

Кабетизм — социальное учение Кабе. Он выступал против революционной борьбы, за мирную пропаганду социализма и постепенные реформы. В будущем общ<ест>ве оставлял место для религии. В философских вопросах, особенно во взглядах на историю, Кабе придерживался идеализма, сочетая рационализм XVII века с платонизмом и неоплатонизмом. Маркс видел в Кабе «самого популярного, хотя и самого поверхностного представителя коммунизма».

<Фридрих Кристоф Шлоссер (1776 — 1861)>

Фридрих Кристоф Шлоссер (1776 — 1861) — немецкий либеральный историк, автор «Всемирной истории» в 19 томах, учитель Гервинуса.

William H. Prescott (1796 — 1859)

Первый из историков в США, к<ото>рый приобрёл международную известность. Снискал себе первую славу историей Испании новых времён, затем нашёл свою американскую тему в испанском завоевании и колонизации стран Центральной и Южной Америки; дал блестящее описание великолепия туземных цивилизаций Мексики и Перу до Колумба.

Его «History of the Mexico» и «History of the Conquest of Peru» — литературные шедевры, но данная в них картина доколумбовых цивилизаций нуждается в модификации в свете последующих археологических открытий. Обе книги

Прескотта, особенно первая, имели международный резонанс, были переведены на многие языки, включая и русский.

«Историей завоевания Мексики» Прескотта зачитывался Лев Толстой.

Heinrich Heine (1796 — 1856)

Блестящий немецкий поэт, поздний романтик, мыслитель переменчивый и увлекающийся; к тому же в своей парижской эмиграции нуждаясь в деньгах, стал получать тайную субсидию от русского посольства. Маркс, друг Гейне, позже назвал его: «в политическом отношении прохвост».

Смолоду Гейне называл Наполеона «мирским спасителем человечества». Когда Россия вела войну против Турции за освобождение Греции, Гейне назвал царя Николая I «гонфалоньером свободы». К тому же периоду относится дружба Гейне с русским поэтом и дипломатом Фёдором Ивановичем Тютчевым, служившим в Мюнхене.

Слушая лекции Гегеля, Гейне обратил внимание на знаменитую формулу: «Всё разумное действительно». И студент подошёл к профессору с вопросом: в таком случае, всё неразумное в жизни и политике не имеет права на сущ[<]ество[>]вание. Гегель ласково улыбнулся и подтвердил, что всё это будет убрано. И Гейне сделал (ещё прежде Маркса) революционные выводы из философии Гегеля.

Гейне обладал великолепной исторической интуицией.

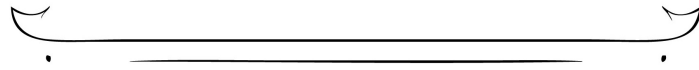
Будучи эмигрантом в Париже, он в 1842 писал в «Лютеции»: «У нас в данную минуту царствует полное спокойствие, усталое, сонное, зевающее спокойствие. Всё так тихо, как снегом занесено. Зимняя ночь. Слышно только тихое, монотонное падение капель: это проценты, к[<]ото[>]рые безостановочно падают в капитал и заставляют его выступать из берегов. Можно отчётливо слышать, как растёт богатство наших богачей. Слышны, между прочим, и тихие рыдания нищеты; иногда также кажется, что нож точат».

Это ночь Июльской монархии, когда царили банкиры, но за этим спокойствием Гейне предчувствует революцию 1848 года. — Поэтическая интуиция может пророчествовать точнее, чем научный прогноз.

Смолоду Гейне был другом русского дипломата в Мюнхене — Ф. И. Тютчева, а в парижской эмиграции — другом К. Маркса. Гейне чувствовал приближение пролетарской революции и допускал, что пролетариат одержит победу, вследствие чего он предвидел гибель культуры.

Гейне суммировал опыт европейских революций: «Только дурные и пошлые натуры выигрывают от революции. Но удалась революция или потерпела поражение, люди с большим сердцем всегда будут её жертвами».

Ламартин как историк

Виконт Альфонс Мари Луи де Ламартин (1790 — 1869) — знаменитый французский лирик, творец сентиментально-религиозного и мелодичного романтизма, осмеянного ещё при жизни поэта. С 1833 — член Палаты депутатов, велеречивый оратор, перешедший от верноподданнического легитимизма своей молодости к либеральному конституционному монархизму. Выразитель наиболее благонамеренной оппозиции Луи-Филиппу, Л<амартин> в 40-е годы написал толстый исторический труд — «Historie des girondins» (1847). Ввиду нарастающего кризиса Июльской монархии, Л<амартин> прославил жирондистов, как своих политических предшественников, одновременно живописуя зверства революционной черни и жестокость якобинцев. Книга имела большой успех благодаря своей яркой картинности и цветистому стилю, но научная ценность её очень мала, т. к. Ламартин не стеснялся в средствах для очернения революционеров, подтасовывал факты, доходя до прямой клеветы. Использовал слухи и легенды, мешая факты с вымыслом.

После Февральской революции 1848 года Л<амартин> фактически возглавил Временное правительств<ельст>во. Своим бездействием он способствовал удушению демократичес<еской> оппозиции, а там и самой республики. Потерпев поражение на президентских выборах в декабре 1848 года, Лам<артин> занялся составлением исторических компиляций, из к<ото>рых известна «История Реставрации» (1851 — 1852).

Жюль Мишле (1798 — 1874)

Французский историк романтического направления, демократ и антиклерикал, особенно известный трудами «История Франции» и «История Французской революции», философскими эссе «Женщина», «Любовь» и др. Переводил на французский Вико. Мишле был великолепным стилистом, но методологически он эклектик: пытался соединить циклизм Вико с идеей прогресса по Гегелю. Перевёл на франц<узский> язык «Новую науку» Вико.

Мишле считал самым главным и самым длительным конфликтом в истории Зап<адной> Европы («войной войн») многовековое противоборство Англии и Франции — от Столетней войны до Наполеона.

Едва ли не самой художественной книгой Мишле был большой очерк «Ведьма» («La Sorcière»), запрещённый режимом Второй Империи, т. к. охоту на ведьм Мишле считал преступлением церкви.

Мишле — один из самых ярких представителей повествовательной историографии, выдающийся талант. Не так субъективен, как Карлейль, но всё же очень личная историография. Оппоненты называли мастеров нарративной историографии «лириками». Наиболее лиричной была «История жирондистов» Ламартина.

Мишле и Виктор Гюго считали республиканскую Францию подлинным светочем, центром мировой цивилизации.

Романтический антиисторизм Артура Шопенгауэра (1788 — 1860)

Первый и главный том его книги «Мир как воля и представление» вышел в 1819, но известность Шопенгауэра получил только после революции 1848 года. Яркий враг Гегеля, волюнтарист, Шопенгауэр — первый европейский философ, порвавший с иудео-христианским наследием и обратившийся к Востоку. Он синтезировал Платона, Канта и буддизм.

«По своему содержанию его система ценностей первой порвала с наследием европейской гуманности, к^{ото}рая для Канта, Гёте, Гегеля и Канта была сама собой разумеющейся; своей абсолютной целью он сделал индийскую нирвану, хотя вследствие его эстетизма эта нирвана часто выступает как непостижимое величие и красота. <...> Он резко отвергал христианско-иудейский элемент активного и в основе своей оптимистического теизма и видел в эллинстве пессимистические и дуалистические черты, объединяющие его с восточной культурой. Творения искусства, морали и религии он парадоксально перетолковывал, ведя их по ступеням утраты самости, распада индивида. К государству, обществу, нации и хозяйству он относится с едкой насмешкой, как к обывательским филистерским проблемам. Это — полная переоценка ценностей, уничтожение всей предшествующей европейской гуманности, презрение к её пафосу и её самовозвеличению как к фразе и пошлости» (Эрнст Трёльч).

Для Шопенгауэра весь мир есть иллюзия, действителен лишь мир как Воля — слепая и бесцельная. Воля, совершающая вечное и бессмысленное круговращение. Всё повторяется, исторические события лишены связи и значения. Шопенгауэр осмелел и отверг рационализм, историзм, идею прогресса. По его мнению, активно действующие индивиды не свободны, они суть орудия Мировой Воли; подлинно свободен только пассивный созерцатель, чистый субъект познания. Личность должна подавить в себе волю к жизни.

Воля порабощает ч^{елове}ка через половой инстинкт. Шопенгауэр, брюзгливый насмешник с огромными бакенбардами, был женоненавистником и всю жизнь прожил холостяком. Презирал игру в карты. Глубоко чувствовал музыку и увлекательно писал о ней. Он сказал: «Жизнь вполне терпима, но вряд ли стоит родовых мук».

«Музыка могла бы отчасти заменить нам несуществующий мир» (Шопенгауэр).*

* На поле слева вертикальная скобка к этому предложению и восклицательный знак.

⤿

Шопенгауэр сочувственно цитировал Маккиавелли: «Nel mondo non è se non volgo» («В мире существует только чернь»). В то же время он создал этику сострадания и цитировал Будду: «Раздайте всё и станьте бикшу» (= нищими). При этом сам Шопенгауэр ничего не раздавал.

Антиисторизм Шопенгауэра отличается от историзма древних греков. Шопенгауэр уже знает историзм и с грубыми насмешками отвергает его.

Одними сторонами своего крайне противоречивого учения Шопенгауэр повлиял на Фридриха Ницше, другими — на Льва Толстого.

«Во все времена существует одно и то же» (Шопенгауэр).

«Наше самопознание имеет своей формой не пространство, а только время» (он же).

Thomas Carlyle (1795 — 1881)

Английский публицист, историк и философ; сын каменщика-шотландца, получил строгое пуританское воспитание. Испытал сильное влияние немецких романтиков (несколько слабее знаком с немецкой классической философией, в основном ученик Шеллинга), пропагандировал в Англии немецкую культуру, особенно романтическую. Пантеист и агностик, но в Бога по-своему верил. Смолоду Карлейль был ярким критиком буржуазного общества и сочувствовал чартизму, тем восхищал молодого Энгельса. Но затем Карлейль создал одну из разновидностей феодалного социализма.

Ещё в 1833 он заявил, что всемирная история — это бесконечная Божественная книга, которую все люди пишут и читают и стараются понять и в которой также пишут их самих.

Впервые он снискал известность философской сатирой «Sartor Resartus» («Перелицованный портной», 1834).

В 1837 тремя томами вышла его «История Французской революции» — чрезвычайно субъективная, но именно этим интересная. Она имела большой успех, и такой известный виг, как Маколей, признал Карлейля опасным противником. Впрочем, опасным (или полупомешанным) считали его и многие английские радикалы, которые, казалось бы, должны были видеть в нём союзника. Джон Стюарт Милль сказал, что подзаголовок книги должен был бы гласить: «поэма».

«История Французской революции» написана вычурно-цветистым языком, очень образным и патетическим слогом. Метафоры Карлейля очень смелы. Робеспьер у него — «зеленоватая формула», зато Дантон — «огромная реальность». Робеспьер и Сен-Жюст ему явно антипатичны, а потому написаны однобоко. Книга прославилась живостью портретов (особенно Мирабо, Лафайета и Дантона) и драматизмом центральных эпизодов. Карлейль часто сбивается на тон очевидца; у

⤿

него Революция предстаёт не столько в событиях, сколько в лицах. Риторика Карлейля выражает его морализм. В книге усматривали пафос разрушения.

Кстати, его оценка Мирабо с точки зрения современной науки совершенно ошибочна.

Якобинцев-террористов Карлейль сравнивает с людоедами племени мумбо-юмбо, но тут же призывает «не бояться санкюлотизма»: он есть не только страшный конец прошлого, но и яркое начало будущего. Революцию, включая и якобинский террор, Карлейль рассматривает как историческое возмездие за глупость и жестокость прогнившего «старого режима».

Он так ярко и страстно описал назревание революционной ситуации во Франции накануне 1789, что английские читатели сразу почувствовали — это об Англии 1837 года! Карлейль угрожал английским правящим классам.

Консерватор Саути хвалил книгу за её свободу от всякой доктрины, а радикалы считали, что Карлейль защищает их точку зрения. Такие известные на континенте революционеры, как Джузеппе Мадзини и Годфруа Кавеньяк, стали постоянными гостями Карлейля.

В душе Карлейля происходила борьба между его наследственным пуританизмом и стремлением к социальным преобразованиям путём свержения существующего строя. Он свято верил, что социальные преобразования необходимы и что достичь их можно только революционным путём. Карлейль не разделял веры своих друзей в парламент и отстаивал необходимость насилия. Он писал:

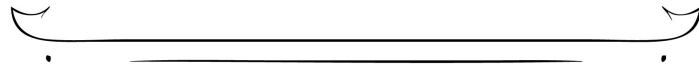
«За всю историю Франции двадцать пять миллионов её граждан, пожалуй, страдали меньше всего именно в тот период, который ими же назван *Царством Террора*».

Этот радикализм Карлейля сочетался у него с верой в то, что люди нуждаются в лидере, причём в его понимании лидер был очень схож с суровым кальвинистским Богом его отца.

Революция была предначертана Богом; смысл её состоял прежде всего в том, чтобы возвестить рождение нового мира. Последнее возможно лишь при благотворном влиянии признанного Вождя.

Главное в этой книге Карлейля — пророческий дух, призыв к высоким идеалам. «История Франц<узской> революции» ориентирована вперёд. Историк предсказывал, что пройдёт ещё 200 лет, прежде чем зачумлённый мир сгорит, а затем зазеленеет и обновится. Нужны 200 лет, чтобы демократия прошла стадию «Лжекратии».

Эта книга относится не столько к науке, сколько к поэзии. Ошибок в ней немало (Карлейлю не доставало критики источников). Тем не менее, она имела огромный успех. Через 20 с лишним лет Диккенс написал «Повесть о двух городах», и в ней, по его собст<венному> заявлению, опирался на «Историю Франц<узской> революции» Карлейля.

Книга Карлейля — вершина романтической историографии. Он придерживался теории исторического круговорота, соединённой с культом героев.

Учение Фихте об активной деят<ельно>сти субъекта как творческом начале мира Карл<ейль> применил к обществу, создав культ героев. «История — это биографии великих людей».

Его книга «On heroes and hero-worship» (1840) доказывает, что героические личности являются единственными творцами истории. В книге дана классификация героев, и рядом с пророком поставлен поэт. В этой книге Карл<ейль> определил Наполеона как помесь гения с шарлатаном.

«В груди ч<елове>ка не живёт никакого более благородного чувства, чем восхищение тем, кто выше его» (Карлейль).

А в одной из речей он дерзко бросил аудитории: «Час велик, а достопоченные джентльмены, я должен сказать, мелки».

Карлейль имел большой успех в США, и американский философ Эмерсон стал его пропагатором в Новом Свете. Повторяя мысль Карлейля, он заявил: «Строго говоря, истории нет, есть лишь биография». Обои романтикам словно намеренно возразил Лев Толстой: «Великие люди суть ярлыки, дающие наименование событию». Иными словами, герой (выделение героя в истории) есть мнемонический приём.

После 1848 Карлейль поддерживал диктатуру крупной буржуазии, оправдывал репрессии против рабочих и колониальную политику Англии. «Происхождение видов» возмутило его до глубины души: «Я знал три поколения Дарвинов: все атеисты!» Карлейль отверг «Историю цивилизации в Англии» Бокля, в частности, за отрицательное отношение автора к пуританству.

Карлейлю обязан своим психологическим анализом Джордж Мереди (1828 — 1909), основоположник английского психологического романа. У Карлейля заимствовал приём психологического анализа и Роберт Браунинг (1812 — 1889), зачинатель интеллектуальной поэзии в Англии.

Карлейль — один из предшественников Фридриха Ницше.

Thomas Babington Macauley (1800 — 1859)

Англ<ийский> историк, умеренный либерал (виг), автор фундаментальной «Истории Англии от воцарения Якова III»; в деталях не достоверен, но мастер ярких и живых описаний, впечатляющих картин.

Маколей с отвращением и ужасом описывал якобинский террор во Франции 1793 года.

Алексис де Токвиль (Tocqueville, 1805 — 1859)

Французский социолог, историк и политич<еский> деятель, великий теоретик демократии и борец против любых форм тирании. Его систему взглядов определяют

как либеральный консерватизм. Главная тема его исследований и размышлений — это исторический генезис, сущность и перспективы демократии, к^{ото}рую он понимал предельно широко как принцип социальной организации современного общ^{ест}ва, противоположного феодальному.

Лидер консервативной «партии порядка», Токвиль сознавал неизбежность буржуазных преобразований. Этот аристократ с либеральных позиций подверг критическому анализу понятие свободы и равенства.

Он выдвинулся благодаря книге «Демократия в Америке», 2 тома, 1835 — 1840. Пробыв в США 9 месяцев, он написал эту великолепную книгу, имевшую большой резонанс. Уже в ней Токвиль показал, что демократическим институтам грозят три опасности: 1) политическая централизация власти в руках государства, к^{ото}рое может установить контроль над всеми сферами общественной жизни и стать душителем свободы; 2) индивидуализм, изолирующий людей друг от друга, замыкающий их в рамках частной жизни и делающий их индифферентными к политике, что может создать благоприятные условия для появления деспотизма; 3) излишняя склонность к полному равенству, что может низвести всех до уровня однородной массы и привести к «равенству в рабстве». Свобода обратно пропорциональна равенству.

«В самом деле, сущ^{ест}вует мужественное и законное стремление к равенству, к^{ото}рое заставляет людей желать, чтобы все были сильны и уважаемы. Это стремление направлено к тому, чтобы низших поднять на уровень высших... <... > Но в ч^{еловече}ском сердце бывает и извращённая склонность к равенству, вследствие к^{ото}рой слабейшие желают низвести до своего уровня более сильных и к^{ото}рая ведёт людей к предпочтению равенства в рабстве неравенству при свободе».

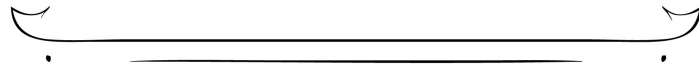
Худшим врагом демократии Токвиль считал инстинкт народа требовать равенства прежде всего другого.

Николай Бердяев: «Свобода есть право на неравенство».

Токвиль предсказал, что США и Россия станут важнейшими государствами в мире.

Став лидером «партии порядка», Токвиль в 1849 был нек^{ото}рое время министром иностр^{анны}х дел, но, будучи противником Луи Бонапарта, вскоре был вынужден оставить свой пост. В 1856 опубликован итоговый труд Токвиля — «Старый порядок и революция».

По мнению Токвиля, первая фраза генезиса демократии — образование абсолютной монархии. «В определённую эпоху все монархии становятся абсолютными... и все эти похожие явления порождены одной общей причиной. Эта общая причина — переход от одного состояния общ^{ест}ва к другому, от феодального неравенства и к демократическому равенству. Знать уже сломлена, а народ ещё не поднялся, одни находятся слишком низко, другие недостаточно высоко,

чтобы вмешиваться в решения власти. В течение полутора веков длился этот золотой век властителей, когда они одновременно наслаждались политической стабильностью и всемогуществом, к^{ото}рые обычно исключают друг друга» («Ст^{арый} пор^{ядок} и революция»)

Революции сметают абсолютизм, но не уничтожают его наследия — централизованной госуд^{арственной} власти. «Демократическая революция» совершается во имя свободы и равенства, но между этими двумя лозунгами сущ^{ест}вует противоречие, что особенно сильно обнаружилось во время Франц^{узской} революции.

Ниспровержение старого режима и полная отмена феодальных привилегий, торжество идеологии эгалитаризма сопровождалось неимоверным усилением госуд^{арственной} власти, превратившей отдельную личность в инструмент для служения целям государства.

«Машина управления» становится всё более громоздкой, всепроникающей и могущ^{ест}венной. Вместо феодального неравенства устанавливается бюрократическая «иерархия функционеров», в системе к^{ото}рой каждый ч^{елове}к оказывается всесторонне зависимым от анонимной власти целого.

Путешествие мыслителя

В 1831 Токвиль со своим другом Гюставом де Бомоном совершил поездку в США. Результатом стала «Демократия в Америке».

Доминирующей чертой амер^{иканского} народа Токвиль счёл страсть к обогащению. «Трудно описать ту алчность, с к^{ото}рой американцы бросаются на огромную добычу, дарованную им судьбой. Преследуя её, они бесстрашно идут на стрелы индейцев, переносят болезни, подстерегающие их в пустыне, не боятся лесного безмолвия <...>. Страсть, к^{ото}рая гонит их вперёд, сильнее любви к жизни. Перед ними простирается почти безграничный континент, а они спешат так, словно боятся, прийти слишком поздно и не найти себе места». («Дем^{ократия} в Ам^{ерике}», М., 2000, 218).

«Они почти повсюду находят богатство, но не счастье. Их стремление к благосостоянию превратилось в горячую и беспокойную страсть, к^{ото}рая растёт по мере её удовлетворения».

«В Европе мы привыкли смотреть на беспокойный ум, неумеренное стремление к богатству и крайнюю тягу к независимости как на большую опасность для общ^{ест}ва. Именно всё это гарантирует американским республиканцам большое и мирное будущее. <...> Американцы часто называют похвальным занятием то, что мы считаем жадной наживы, и видят определённую душевную трусость в том, что мы рассматриваем как умеренность желаний».

Положительное в Америке становится отрицательным в Европе и наоборот.

⤿
_____⤿

В книге Токвиля есть главы «О страсти американцев к материальному благополучию» и «Каким образом чрезмерная любовь к благосостоянию может вредить этому благосостоянию». Из жажды богатства следует отсутствие единого духовного начала.

«Любовь к достатку стала господствующей чертой национального характера; великий поток ч<еловече>ских страстей течёт здесь именно в этом направлении, увлекая за собой всё, что встречается на его пути» («Демокр<атия> в Америке», с. 391).

«В Европе на преступника смотрят как на несчастного ч<елове>ка, делающего всё возможное, чтобы спасти себя от представителей власти, причём население в некотором смысле присутствует при этом поединке. В Америке же он считается врагом рода ч<еловече>ского, и против него восстаёт всё население» (с. 89 — 90).

Токвиль считает, что отсутствие «внеземного» начала может губительно сказаться на бытии американского общества в целом: «Если люди когда-либо полностью удовлетворятся материальными благами, весьма вероятно, что они мало-помалу начнут утрачивать искусство создавать эти блага и закончат тем, что станут наслаждаться ими без разбора, не желая ничего иного, подобно животным» (с. 401).

Он не принижает Америку. Он находит в ней и положительные, и отрицательные черты (как и в Европе). Элементы критики американской демократии у Токвиля прямо повлияли на точку зрения Пушкина и Диккенса, а через них — на Достоевского.

Алексис де Токвиль (Tocqueville, 1805 — 1859)

<продолжение>

«Эта огромная социальная власть безлична; она больше не исходит от короля, но от государства... она — продукт и представитель всех, и подчиняет право каждого воле всех... Это особая форма тирании, к<ото>рую называют демократическим деспотизмом. Нет больше социальной иерархии, нет чёткого деления на классы и строго установленных рангов; народ, составленный из абсолютно похожих индивидуумов, эта расплывчатая масса, принимаемая за единственно законный источник верховной власти, но старательно лишённая всякой возмож<но>сти руководить и даже контролировать своё правительство».

Критика формального демократизма у Токвиля несколько опережала своё время, т. к. эти тенденции полностью развились только в XX в.

Отчуждение социально-политических функций от личности дополняется уходом личности в свой приватный мир, в сторону от общественных отношений. Этот феномен Токвиль называл «индивидуализмом» и видел в нём почву нового, романтического стиля искусства, изображающего ч<елове>ка «перед лицом природы и Бога... с его

страстями, сомнениями, необыкновенными радостями и невообразимыми несчастьями».

Возникновение политичес<еского> деспотизма из недр демократии, по мысли Токвиля, служит объяснением переворота Наполеона III, к к<ото>рому Токв<иль> всегда относился с непримиримой враждебностью. В этих условиях оплотом свободы Токв<иль> считал укрепление общинных учреждений и местного самоуправления, развитие добровольных ассоциаций и строгую ответственность чиновников.

Необходимым условием сохранения свободы Токв<иль> считал также распространение религиозных убеждений, по природе своей несовместимых с культом государства.

Токвиль отрицал необходимость Великой Французской революции.

Гениальное наблюдение Токвиля:

«Революции не всегда вспыхивают тогда, когда тем, кому было плохо, становится ещё хуже. Чаще всего бывает так, что народ, к<ото>рый без жалоб, почти безразлично, выносил самые тяжёлые законы, — неожиданно их отбрасывает, едва давление немного ослабнет. Свергаемый революцией порядок почти всегда бывает лучше того, что ему непосредственно предшествовал! И опыт учит, что самой опасной минутой для плохого правит<ельст>ва бывает та, когда оно начинает вводить реформы».

«Только великий личный гений может спасти властителя, к<ото>рый решается облегчить судьбы своих подданных после длительного периода угнетения. Зло, к<ото>рое люди терпеливо выносили как неизбежное, кажется невыносимым с того момента, когда в умах пробуждается мысль, что его можно избежать. Тогда каждое устранённое злоупотребление как бы позволяет увидеть все остальные и усиливает ощущение их обременительности. Зло, конечно, уменьшается, но увеличивается чувствительность людей на зло».

<Ещё о Токвиле>

В книге «Старый порядок и революция» он выступил против революций, ибо они чреваты многими нежелательными последствиями; он отдавал предпочтение эволюционному либерально-демократическому поступательному движению.

Вместе с Бомоном Токвиль написал ещё книгу об американской пенитенциарной системе («келейная система»); книга осуждает телесные наказания заключённых, клеймение и т. п.

Идеи Токвиля оказали влияние на Макса Вебера, исходившего из антитезы индивидуальной свободы и бюрократического рационализма, и на теоретиков так наз<ываемого> «массового общества». Сегодня Токвиль, Маркс и Вебер считаются основоположниками современной социологии.

Токвиль оказал сильное влияние на историческую науку, в частности на историографию Французской революции, и на философию истории.

Georg Gottfried Gervinus (1805 — 1871)

Либеральный немецкий историк и литературовед, представитель романтической историографии, ученик Шлоссера. В своей «Истории немецкой поэзии» он стремился показать связь каждого этапа немецкой литературы с культурой эпохи, из которой она выростала. Гервинус имел определённую цель — вырвать современников из поэтической мечтательности; он хотел их обратить к германской политической реформе, сделать активными (либеральными) гражданами. Поэтому, прославляя великих немецких поэтов прошлого, Гервинус настаивал, что в этой области германский гений угас и что последним гениальным поэтом Германии был Гёте. Пусть новые поэты обратятся к политике!

Интересы Гервинуса не столь моралистичны, зато более политичны, чем у Шлоссера. Его главная политическая цель заключалась в либерализации Германии. Главная книга Гервинуса — толстая «История XIX столетия», особенностью которой было подчёркивание конституционных, демократических и республиканских тенденций и движений.

Гервинус рассматривал борьбу за свободу как борьбу демократических идей, принесённых Реформацией, против аристократического наследия от средневековой церкви, монархии и знати. В определённом смысле Гервинус больше склонялся к рационалистам, чем к романтикам: он не был националистом. Объединение Германии за счёт жертвоприношения либерализма его не привлекало.

В трудах по истории Европы 1815 — 1848 годов Гервинус критиковал режим Меттерниха и сочувственно писал об освободительных движениях. Гервинус эмпирически вывел важное обобщение: за демократическим переворотом обязательно следует эпоха централизации и деспотизма.

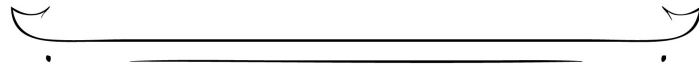
Но это значит, что исторические модели реально повторяются. Факты подтверждают правоту Вико.

Пессимизм как итог романтической эры

Артур Шюбнер:

«В 1851 году выходит в свет последнее произведение Шопенгауэра. — «Парерги и паралипомены», принесшее этому доселе неизвестному мыслителю горечь поздней славы.

Лишь теперь Шопенгауэр становится философом века, ранним провозвестником и проповедником падающего жизненного чувства своего времени. Иногда, и всё чаще, начинают вспоминать о том, что рядом с Шопенгауэром выступали также выдающиеся пессимисты из других стран: лорд Байрон, Шатобриан,

Леопарди. Всё более внятно в это время звучат предостерегающие, мрачные и пророческие слова Гёте и Фихте, Нибура и Стендаля. Вдруг узнают про Гойю, великого пророка ужаса человеческого в начале века: ужас — это общая почва его страшных творений от «Сатурна» до «Узников» и «Удушенных». Узнают, что из глубин последних квартетов Бетховена вдруг вырывается ставший теперь всеобщим страх перед миром. Бодлер живёт в страхе перед ущельями и пропастями. Кьеркегор описывает в потрясающих книгах «понятие страха», «заболевание смертью», «боязнь и дрожь», а Гобино проповедует свой глубокий пессимизм, в отличие от Шопенгауэра обоснованный философско-исторически и связанный с католическим благочестием, — пессимизм прогрессирующего распада расы. Век естественных наук и техники, колоссальной концентрации власти всё больше и больше открывает свою оборотную сторону — века боязни...».*

Во 2-й половине XIX века историография окончательно отделяется от художественной литературы.

Неукротимый оптимист Луи Огюст Бланки (1805 — 1881)

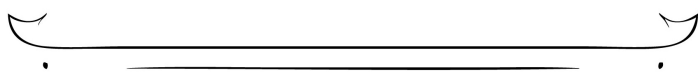
Франц<узкий> утопический коммунист, участник революций 1830 и 1848 г., множества заговоров и восстаний; был дважды приговорён к смертной казни, провёл в тюрьмах почти полжизни. Неизменно сохранял огромное мужество и верность революционным убеждениям: «Мы не имеем права тлеть. Даже могила революционера должна извергать пламя». Его основная работа «Социальная критика» вышла в 1885.

Мировоззрение Бланки сформировалось под воздействием механистического материализма XVIII века и утопического социализма (в основном, бабувизма). Материалист и атеист, Бл<анки> объяснял исторический процесс распространением просвещения.

Основным содержанием истории он считал движение от абсолютного индивидуализма дикарей через ряд переходных фаз к коммунизму — «будущему обществу», «венцу цивилизации». В то же время Бл<анки> видел в истории борьбу социальных сил и дал резкую критику противоречий капиталистического общества.

Удивительно, но он разделял веру в «вечное возвращение» (исторический круговорот), но это отнюдь не вело его к фатализму или пессимизму, а поддерживало его революционный энтузиазм.

* Папка содержит вариант этого фрагмента, в котором после этого абзаца следует рассуждение: «В чём причины Великого Страха? Ибо страх благополучного века, конечно же, не был беспочвенным: он выражал нечистую совесть этого благополучия. Видимо, первопричиной страха было подспудно нарастающее социальное и глобально-историческое напряжение».

Иоганн Якоб Бахофен (Bachofen, 1815 — 1887)

Род<ился> и умер в Базеле; швейцарский историк права и религии. Положил начало изучению истории семьи и проблемы матриархата, прославился благодаря книге «Материнское право» («Das Mutterrecht», 1881). Ввёл сравнительный метод в правовую науку.

Исследователь мифов и символов («Versuch über die Gräbersymbolik der Alten», 1859), Б<ахофен> заявил:

«Миф есть толкование символа». Развивал концепцию пра-религии («Urreligion und antike Symbol»).

Мировую историю Бахофен рассматривал как вечную борьбу светом и тьмой, небом и землёй, рождением и смертью, мужским началом и женским. Земля является «носителем материнства», в то время как Солнце «осущ<еств>ляет развитие отцовского начала». История определяется эволюцией религиозных представлений.

⤿
⤿

Вторая половина XIX века и начала XX-го.

Позитивизм. Маркс. Гобино. Ницше.

Дильтей. Макс Вебер.

Тетрадь № 5.

Позитивизм. Исторические взгляды Огюста Конта

Из сенсимонизма родился позитивизм, создатель к<ото>рого Огюст Конт (Comte, 1798 — 1857) был неск<оль>ко лет секретарём и соавтором Сен-Симона. В том «Курса позитивной философии» вышел в 1830. Своё социальное учение Конт сначала называл «социальной физикой», как Сен-Симон, но потом заменил этот термин своим: «социология». Именно Конт изобрёл это понятие. Он исключил из социологии гносеологию и психологию, как не относящиеся к социальным фактам.

Закон трёх стадий. Всю интеллектуальную эволюцию ч<еловече>ства Конт разделил на три стадии, каждой из к<ото>рых соответствует определённый тип мировоззрения: теологическая, метафизическая и позитивная (научная) стадии. Эта схема была подражанием диалектической триаде, к<ото>рую Конт заимствовал у Сен-Симона. Из этой схемы полностью выпала античность. Свою трёхчленную схему Конт применил для классификации наук и для систематизации гражданской истории. Социологии Конта свойствен биологический подход к изучению общества.

Конт свято верил в прогресс. На «законе трёх стадий» он обосновал конструкцию всемирно-исторического процесса. Ранний позитивизм осмыслял общ<ест>во в категориях естествознания. Общ<ест>во сравнивалось с живым организмом (что в античности было иносказанием: басня Менения Агриппы).

Контская теория истории не интересуется фактами и лицами, это histoire sans noms, учение о законах историч<еского> развития и вместе с тем общий обзор развития от теолого-мистической стадии к стадии современной, позитивно-рационалистической. Здесь факты служат лишь материалом для конструкции и не имеют самостоят<ель>ного значения. Сущность истории — в прогрессе ч<еловече>ства по направлению к позитивной стадии.

Эта теория принципиально равнодушна к людям, жившим прежде: описательная история у позитивистом (напр<имер>, у Ипполита Тэна) — всего лишь коллекция ярких примеров, а теория истории Конта — конструкция из общих законов, как и теория физики, т. е. имеет «естественнонаучный» характер.

По Конт, завершением исторического процесса станет объединение всего ч<еловече>ства в единой организации и единой науке. Конт верен идеалам Просвещения. Позитивизм есть продолжение Просвещения.

Конструкция истории у Конта абсолютно телеологична, она лишь подводит универсально-исторический фундамент под культурный синтез современности. По содержанию эта конструкция противоположна гегелевской.

Историческая часть контизма дала толчок развитию наук о доисторическом человеке, но утопия Конта и его универсальная история были быстро забыты.

Историки-позитивисты

В позитивной социологии с момента её рождения жила тенденция к историзму — в трудах О. Конта, Герберта Спенсера, Эмиля Дюркгейма. Но собственно историков позитивизм выдвинул немного. Первым был англичанин Henry Thomas Buckle (1821 — 1862).

Он прославился «Историей цивилизации в Англии» (2 тт., 1857 и 1861, не окончена). Критикуя теологическую концепцию истории, Бокль ставил задачей открыть закономерности исторического процесса и показать их развитие на примере ряда стран.

Принадлежа к школе географического детерминизма, Бокль объяснял особенности исторического развития разных народов влиянием природных факторов — ландшафта, климата, почвы и характера пищи. Факторы эти реально существуют, но по мере исторического развития они всё менее значимы. Географический детерминизм служит Боклю обоснованием вечности социального неравенства и оправданием колониальной экспансии.

Вслед за отцом позитивизма Контом Бокль считал главным фактором исторического развития умственный прогресс, отрицая наличие нравственного прогресса. Вместе с тем он считал, что развитие цивилизации ведёт к прекращению войн между народами.

Бокль резко критиковал пуританство, чем обусловлено неприятие его книги пуританином Карлейлем. Впрочем, у Карлейля были и другие причины: в сущности, он антипозитивист.

К географическому детерминизму была близка теория Льва Ильича Мечникова, русского гарибальдийца и анархиста, путешественника и мыслителя. Он был старший из братьев Мечниковых; Илья Ильич Мечников — прославленный микробиолог; наименее интересен Иван Ильич, он-то и стал героем повести Толстого «Смерть Ивана Ильича». О Л. И. Мечникове см. ниже.

К позитивизму очень близок глава культурно-исторической школы Ипполит Тэн (1828 — 1893), испытавший также сильное влияние Гегеля. Литературный критик, теоретик литературы, историк огромной славы, кторая полностью прошла.

Три фетиша Тэна — эпоха, среда и раса: ими объясняются все явления культуры. Тэн с высокомерным снобизмом осмеял Французскую революцию,

всячески подчёркивая и утрируя невежество, глупость, дикость, жестокость и алчность революционеров. Созданная им картина Революции поверхностна и фальшива. Впоследствии Альфонс Олар, действит<ель>но солидный историк Французской революции, обнаружил в сочинениях Тэна целый ряд ошибок и неточностей. В сущности, Тэн как историк Французской революции — всего лишь элегантный клеветник.

Но он умел создавать впечатляющие картины нравов и вводить обобщающие понятия, имевшие успех: «дух времени», «господствующий тип», «главенствующая способность» (la faculté maîtresse). И ещё: для Тэна история была не собранием анекдотов, а системой. По Тэну, каждое изменение отдельной части вызывает изменение целого. Ницше назвал Тэна величайшим из ныне живущих историков: в этом сказалась мода «конца века».

Своим учителем Тэн считал Карлейля и, восхищаясь им, удивлялся лишь одному: почему Карлейль не пришёл к социологии?

В 1897 во Франции посмертно опубликован «Путевой дневник» Тэна, в к<ото>ром автор утверждал превосходство духовной элиты над толпой, как утверждали Эрнест Ренан, Гюстав Лебон, Фридрих Ницше.

<Дополнение о Тэне>

Ипполит Тэн, основатель культурно-исторической школы, в своей «Философии истории» (1865 — 1869), характеризуя культуру зарождавшегося во Франции абсолютизма, стремится установить общие черты столь чуждых явлений, как меркантилистская политика Кольбера, стихосложение Буало, богословская концепция Боссюэ и стриженные аллеи Версаля. Одним словом, Тэн стремится найти стиль, присущий всем явлениям культурно-исторического типа данной эпохи.

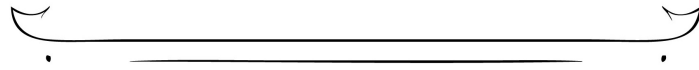
Можно иначе выразиться: найти *genius aevi* (дух века).

Жозеф Эрнест Ренан (1823 — 1892)

Особое место в позитивизме принадлежит семитологу и историку религии Ренану. В 1863 вышла его «Жизнь Иисуса», по форме близкая к роману. Ренан отрицал божественность Христа, рисуя его очень симпатичным галилейским проповедником, великим моралистом. Продолжая эту шумевшую книгу, Р<енан> создал «Историю происхождения христианства» (в 8 книгах, 1863 — 1883).

Р<енан> пытался позитивно освоить евангельские предания, устраняя из них все противоречия, всё сверхъестественное, все рассказы о чудесах: десакрализовать Писание. Книги Р<енана> не были новым словом в науке, в основном он популяризировал выводы тюбингенской школы, но зато писал легко и красиво.

В конечном счёте он пришёл к выводу о «нравственной необходимости» религиозной веры. Атеист, он создал своеобразный гимн нравственной красоте

Христа. Свою двойственность оправдывал принципом философского сомнения. Его труды проникнуты универсальным скепсисом, неверием в возмож<но>сть познания объективной истины, моральным релятивизмом — Р<енан> считал, что историк имеет право дополнять фактический материал домыслом, основанным на интуиции, и возводил дилетантизм в систему. Соч<инения> его — полудилетантские.

В своей философской драме «Калибан» Р<енан> изобразил в лице Калибана демократию, торжествующую над искусством (Ариэль) и наукой (Просперо). — Это переделка «Бури» Шекспира.

Сильный кризис Р<енан> пережил в связи со злосчастной франко-прусской войной 1870 — 1871. Дело в том, что Жюль Мишле, Ипполит Тэн, Г. Моно и Ренан были германофилами. Начиная с книги м<ада> де Сталь «О Германии», французы питали чувство превосходства над добрыми идеалистами-немцами, к<ото>рых изрядно колотил Наполеон. После Седана (1870) произошла переориентация французов в их отношении к Германии, а также и внутри французской культуры. Говорят, без Седана не было бы и дела Дрейфуса.

Ренан писал после 1871: «Мечтой всей моей жизни был трудиться ради интеллектуального, морального и политического союза Германии и Франции... Судите же, что я выстрадал, когда увидел, как нация, к<ото>рая учила меня идеализму, зачёркивает великий идеал».

Французская лит<ерату>ра после поражения предлагает совершенно новый и устрашающе популярный образ немца. Прежний «добрый немец», артист в душе, наивный и миролюбивый, исчезает, он заменён своей противоположностью — немцем жестоким, злым и лицемерным. Зато француз — Давид против Голиафа, гордая мопассановская Рашель против жестокого немецкого офицера по прозвищу «мадмуазель Фифи».

Лесть Ренана по адресу религии и презрение к массам, в конце концов, примирили с ним солидных людей, и Ренан умер академиком. Его книги, образец вежливого и культурного неверия, имели большой успех во всей Европе, но были запрещены католической церковью (что ещё более увеличивало их успех). Римская курия после Вольтера никого так не ненавидела, как Ренана.

Всё же Ренан — больше, чем компилятор. Так, он заявил: «Франция не стала бы тем, что она теперь, если бы в течение тысячи лет не веровала в Святой Сосуд в Реймсе».

Он имеет в виду так называемую Sainte Ampoule, т. е. сосуд со священным елеем, принесённый ангелом с небес для крещения франкского короля Хлодвига. Этот сосуд хранился в Реймском соборе, где традиционно происходили коронации французских королей; елей этот использовался для их помазания на царство и чудесным образом не иссякал сотни лет.

Вера в Св<ятую> Ампулу — конструктивный элемент французской истории. Это, конечно, метонимия, Ренан имел в виду религиозную веру вообще. Французская

монархия была священной, французский патриотизм был религиозным монархизмом. Им порождён феномен Жанны д'Арк. Так что метонимия Ренана верно отражает суть дела.

В начале XX века Жорж Сорель заявил: «История движется мифами». Это крайность, но, вообще говоря, невозможно отрицать колоссальную значимость в истории общества духовных факторов (мифов, верований, религиозных потребностей etc.). Историю нельзя сводить только к экономическому детерминизму Карла Маркса.

Сегодня Ренана квалифицируют как позитивиста с идеалистическим уклоном. Он подчёркивал относительный характер познания и считал невозможной метафизику. Цель мира — создание более совершенного человека, цель развития — осуществление Бога.

Ренан — один из главных предшественников Ницше.

Ренан и Тэн создали в историографии традицию беллетризованного повествования, насыщенного живописными фактами и психологическими подробностями. Ренан реконструировал историю такую, какою она могла быть. Учеником Тэна и Ренана был романист Анатоль Франс, эрудит и скептик.

В его романе «Преступление Сильвестра Бонара» говорится: «История — не наука, это искусство, и успеха в ней достигают только благодаря воображению».

Лев Ильич Мечников (1838 — 1888)

Русский путешественник, географ, социолог и публицист, старший брат знаменитого микробиолога. Лев Мечников участвовал в национально-освободительных восстаниях в Италии, был волонтером гарибальдийской «Тысячи», сотрудничал в «Колоколе» Герцена и «Современнике» Чернышевского, был связан с М. Бакуниним и испытал его влияние, дружил с анархистом-географом Элизе Реклю и принимал участие в подготовке его исполинского труда «Земля и люди». Одно время проф<ессор> ун<иверсите>та в Токио.

В 1883 — 1888 Лев Мечников занимал кафедру сравнительной географии и статистики в Нёфшательской академии (Швейцария). Задумав социологический труд, посвящённый истории всей цивилизации, он успел написать лишь введение к нему. Умер 30 июня 1888 от бедности и туберкулёза лёгких.

В 1889 было издано вышеупомянутое введение — в виде книги «Цивилизация и великие исторические реки». В ней Лев Мечн<иков> развивал так наз<ываемую> «гидравлическую» теорию (разновидность географического детерминизма): цивилизация родилась в долинах великих рек Хуанхэ, Ганга, Нила, Тигра и Евфрата и др<уги>х. Развитие общ<ест>ва определяется географич<еской> средой, и

прежде всего гидросферой. Речные, морские и океанические пути сообщения рождают, соответственно, древнюю, средневековую и новую цивилизации.

Лев Мечников выступил против Спенсера, распространявшего законы биологии на общество. Специфику последнего Мечников усматривал в свободной кооперации людей. Критерий социального прогресса, по Л. Мечникову, заключается в возрастании солидарности и свободы общества, которое развивается от угнетения к анархии. Лев Мечников — враг русского царизма и любой тирании; его взгляды повлияли на идеи князя Кропоткина.

Экономический детерминизм Карла Маркса (1818 — 1883)

Крещёный еврей, сын адвоката Генриха Маркса из города Трира, Маркс с детства остро чувствовал свою исключительность. В 1835 он написал гимназическое сочинение «Размышления юноши при выборе профессии», где говорится: «...и ч<елове>ку Божество указало высшую цель — облагородить ч<еловече>ство и самого себя, но Оно предоставило ему самому изыскание тех средств, к<ото>рыми он может достичь этой цели. Оно предоставило ч<елове>ку занять в общ<ест>ве то положение, к<ото>рое ему наиболее соответствует и к<ото>рое даёт ему наилучшую возможность возвысить себя и общество».

«Достоинство есть именно то, что более всего возвышает ч<елове>ка, что придаёт его деят<ель>ности, всем его стремлениям высшее благородство, что позволяет ему несокрушимо возвышаться над толпой, вызывая её изумление».

Вот он и будет всю жизнь «несокрушимо возвышаться». Ведь выкрест — это вдвойне изгой, им брезгуют евреи, но отчасти и христиане. У Карла Маркса в детстве зародилась яростная жажда реванша.

Юный романтик из Трира начинал как фихтеанец. Отправным для Маркса было изречение Фихте: «Деятельность и только деятельность определяет твою ценность». Фихте был философом действия, он требовал претворять каждую идею в поступок. Согласно концепции Фихте, общество на заре истории отходит от своего первоначального состояния, с тем чтобы в конце концов к нему вернуться. Эту идею прочно усвоил Маркс. Доисторическое ч<еловече>ство жило первобытно-родовым строем, тогда это называлось Urkommunismus (первобытный коммунизм). Ergo, ч<еловече>ство должно вернуться коммунизму, но на новом уровне. Концепция эта финалистская: достижение коммунизма мыслится как благополучный финал истории.

Затем Маркс обратился в гегельянство. Младогегельянцы были склонны к провиденциализму: они рассматривали идеал как конечную цель истории, как состояние, к к<ото>рому должно прийти ч<еловече>ство.

⤿

Исторический провиденциализм — учение об изначальной заданности всех событий и явлений в мире. Такой взгляд приписывает марксизму Н. Бердяев, хотя сам Маркс не раз выступал против провиденциализма.

«...Вопреки претензиям “прогресса”, постоянно наблюдаются случаи регресса и кругового движения» (Маркс и Энг<ельс>, Соч., т. 2, с. 91).

Усвоив в Берлине философию Гегеля и проникшись идеями материализма (диссертация по Эпикуру), Маркс выбросил из гегелевской системы Мирового Духа, но оставил историзм и диалектику. В 1843 он был вынужден эмигрировать во Францию, где из немецкого демократа окончательно превратился в революционера (под влиянием французского радикализма, Вильгельма Вейтлинга и мн<огого> др<угого>). В 1845 он набросал «Тезисы о Фейербахе» (опубл<икованы в> 1888). Знаменитый 11-й тезис гласит: «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его».

Однако изменение мира — это уже не философская задача: Маркс был сверхфилософом, романтическим Прометеем. Иными словами, он мифотворец.

Он рекомендовался ч<еловече>ству в качестве освободителя. Любил, чтобы его сравнивали с Прометеем. Широко известен рисунок, изобразивший Маркса голым античным титаном, прикованным к типографскому станку; прусский коршун в королевской короне клюёт его печень.

Выше всех драматургов Маркс ставил Эсхила, автора «Прикованного Прометея», но очень тепло отзывался о Шелли — авторе «Раскованного Прометея». Маркс и сам принадлежал к романтическим прометидам, он на практике осущ<еств>лял культ гения (напр<имер>, его отношение к молодому Гервегу).

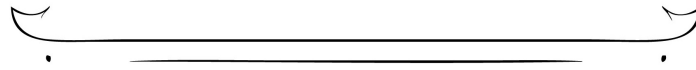
Маркс, вероятно, оскорбился бы, если бы его попрекнули властолюбием, но страшная воля к власти сказывается во всей его деят<ель>ности, особенно в I Интернационале. Фактически Маркс волюнтарист, как и Фихте. Может быть, Маркс не до конца сознавал свой волюнтаризм, хотя все знали о его властолюбии, и ещё П. В. Анненков назвал его «демократическим диктатором».

На чем основана научная претензия марксизма? На политической экономии Маркса. Но он занялся политич<еской> экономией только после поражения накликаемой им революции 1848 года, а волюнтаристское самоопределение марксизма сложилось до этой революции. Маркс титанически трудился над своим «Капиталом», чтобы своей политической экономией доказать обречённость капитализма, к<ото>рую он провозгласил a priori, ещё не имея аргументов, интуитивно.

Марксизм есть мессианизм, только в роли Мессии выступает не та или иная нация, а международный пролетариат. А воспитывает эту силу для революции философия в лице доктора Маркса.

Личность — совокупность общественных отношений. Роль личности в истории — исполнительная. Но бессознательно Маркс ставил себя над историей. * И он делал

* На поле слева восклицательный знак.

многозначительные оговорки: «История носила бы очень мистический характер, если бы “случайности” не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорения и замедления в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди к<ото>рых фигурирует также и такой “случай”, как характер людей, стоящих вначале во главе движения» (Маркс и Энг<ельс>, Соч. т. 33, с. 175).

И Маркс, и Энгельс критиковали исторический фатализм, младогегельянцев и их культ истории. «История» не есть какая-то особая личность, к<ото>рая пользуется ч<елове>ком как средством для достижения своих целей. История — не что иное, как деятельность преследующего свои цели ч<елове>ка» (М<аркс> и Энг<ельс>. Соч. Т. 2, с. 102).

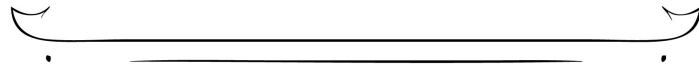
Энгельс: «История делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причём каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким обр<азом>, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил, и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая — историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно» (М<аркс> и Энг<ельс>. Соч. Т. 37. С. 395 — 396).

В «Нищете философии» Маркс писал: «Провидение, провиденциальная цель — вот то громкое слово, к<ото>рым теперь пользуются для объяснения хода истории. На деле это слово не объясняет ровно ничего». Так что же объясняет историю?

Маркс поставил прогресс ч<еловече>ства в зависимость от развития производительных сил (это теперь называют «техноцентризм Маркса»).

Важнейшие законы общественного развития: закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил; закон определяющей роли базиса по отношению к надстройке; закон смены общественно-экономических формаций. Эти законы — сущностные формы деят<ельно>сти людей. Действуют они объективно, неотвратно и не зависят от воли и желания субъектов деятельности.

Используя одну из любимых формул диалектики Гегеля — «отрицание отрицания», Маркс набрасывает свой апокалипсис для буржуазии: развитие капитализма отрицает свободную мелкую собственность, превращая крестьян в пауперов и пролетариев, а затем с неизбежностью порождает и своё собственное отрицание — пролетарскую революцию. «Бьёт час капиталистической собственности. Экспроприаторов экспроприируют» («Капитал»). И это историческое возмездие вершат рабочие, потомки экспроприированных крестьян. Так одна из абстракций

Гегеля обрела у Маркса наглядную форму реванша обездоленных, их классовой мести по древнему закону: «око за око, зуб за зуб».

Возмездие как принцип истории — но ведь это ветхозаветный карающий Бог, грозный и справедливый. Маркс придаёт истории черты Яхве. История вознаградит добрых за страдания и покарает злых, как предвещали иудейские пророки. Суд истории справедлив.

Пролетарская революция и обобществление средств производства позволят человечеству совершить «скачок из царства необходимости в царство свободы». Будущее коммунистическое общество, свободное от классового разделения и социальных конфликтов, описывается Марксом суммарно, т. к. он боится сходства с утопическими социалистами, к к<ото>рым относится с дружеской, но высокомерной снисходительностью.

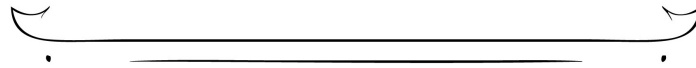
Социальные утопии донаучны, а марксизм — это «научный коммунизм». Политическая экономия Маркса, его анализ производства имеют свою ценность, но его исторический прогноз несостоятелен: коммунистический рай — это эсхатологический миф.

«Как говорил Гегель, история является имманентным процессом, в к<ото>ром самосознание одерживает победу над ограничительными шорами субъективности, чтобы объединить волю и действие в абсолютном познании. Маркс заимст<во>вал эту идею исторического процесса изобразив становление ч<елове>ка как развитие его материальных и технических возможностей, расширение доступных ему способов контроля над природой. Общее признание получила идея «избавления от необходимости», от того принуждения природы, к<ото>рое сковывает ч<еловече>ские потенции. История, не как простая регистрация событий жизни человечества, но как философский демиург, была средством грядущего перехода из «царства необходимости» в «царство свободы». Таким образом, «конец истории» должен сигнализировать о победе ч<елове>ка над всеми формами принуждения, о достижении им тотального господства над природой и самим собой».

(Д. Белл. Этическая мысль. М., 1990. С. 248 — 249).

Иногда Маркс и сам выступал как историк. В «Капитале» те части, где описаны ранние стадии капитализма, особенно процесс первоначального накопления, достигают художественной выразительности и наглядности. Маркс умел писать очень неплохо, он хорошо знал исторические факты.

Но более всего Маркс и Энгельс любили предсказывать. И это у них порою получалось. Энгельс предсказал за три года вперёд экономический кризис 1847 года, что снискало ему большое реноме в Англии. Маркс после захвата власти Луи-Наполеоном во Франции предсказал скорый крах режима. Вместо этого произошёл бурный экономический подъём, и Вторая Империя одержала ряд побед, прежде чем докатилась до Седана. В 80-х годах Энгельс в одной статье пророчил, что через 20 —

25 лет разразится европейская или даже мировая война, и тогда короны десятками полетят на мостовую. Он угадал, только I мировая началась лет на 10 позже.

«Маркс, унаследовавший апокалиптическую традицию иудейства, был немецким интеллигентом, воспитанным школой Гегеля и английского капитализма. Марксистский коммунизм можно понять только в свете западной традиции. Это западная ересь: превращение христианства в светскую религию. Марксизм утверждает, что царство Божие на земле, второе пришествие Христа и обретение царства Божия — это не что иное, как коммунистическая революция, к^{ото}рая раз и навсегда поставит овец одесную верховного судьи, а козлиц ошуюю» (Отец Брукберже: «Облик Америки»).

«Я убеждён, что марксизм обладает такой огромной притягательной силой именно потому, что он выдаёт себя за учение о земном спасении ч^{елове}ка» (там же).

Алексей Цветков в эссе «Futurum imperfectum» пишет:

«Главным предметом философии Гегеля является эволюция абсолютного духа. В свою очередь, главным качеством абсолютного духа является отсутствие его сущ^{ество}вания. Абсолютный дух — это будущее время».

«Разоблачения Шопенгауэра и Кьеркегора засохли в неразрезанных томах, как ромашки романтика; с тем же успехом они могли писать на воде. Зато подоспел Маркс с утверждением, что ставит учения мастера с головы на ноги, но суть не в этой цирковой антрепризе — подвиг Маркса состоял в том, что он объявил свою модификацию великой доктрины “научной”. Этот эпитет в ту пору как раз приобрёл те атрибуты, к^{ото}рыми чарует нас по сей день».

Западная наука относится к Марксу спокойно. Марксизм делится на ряд течений, включая вполне умеренные: австромарксизм, еврокоммунизм и др. Дикий советский марксизм объясняется национальными особенностями России.

Марксу отведено скромное, но достойное место. Алексис де Токвиль, Карл Маркс и Макс Вебер — основатели современной социологии.*

Leopold Ranke (1795 — 1886)

Крупный и влият^{ель}ный немецкий историк, Ранке выдвинул формулу: задача истории — «воспроизвести, как всё происходило на самом деле». Ранке был весьма неравнодушен к прошлому, несмотря на свой позитивизм. Он в основном занимался политической историей Зап^{адной} Европы XVI — XVII веков. Для школы Ранке характерны преобладающий интерес к политической и дипломатической истории, к деят^{ель}ности отдельных великих людей, национализм, прославление прусской монархии.

* На поле слева вертикальная скобка красными чернилами ко всему абзацу.

⤿

Наряду с позитивистскими и объективистскими установками школы Ранке, в ней также признавалось, что историческое развитие направляется, по существу, сменой идей в сознании вождей и идеологов, ведущих деятелей исторического процесса.

Theodor Mommsen (1817 — 1903)

Моммзен — немецкий историк античности, один из крупнейших историков XIX века. Главный его труд — «Римская история»: содержит в основном военно-политическую историю древнего Рима до 46 до н. э. Кроме того, Моммзен дал обзор истории римских провинций. Он не воздерживался от очень яркой и эмоциональной оценки прошлого. Его критиковали за «субъективность» (напр<имер>, в оценке Цицерона или Юлия Цезаря). Спартака он назвал: «великий разбойничий атаман». Нобелевская премия по лит<ерату>ре за 1902.

<Фрагмент о Моммзене>

«Römische Geschichte» Моммзена: три части вышли в 1854 — 1856, V часть в 1885, а IV-ю часть Моммзен не осуществил. Книга, написанная с либеральных позиций, отличалась красотой стиля и принесла Моммзену Нобелевскую премию по литературе за 1902 год. Эта книга популярна до сих пор, хотя научная ценность её под сомнением: она отличается модернизацией экономических и социальных отношений древнего Рима, что делает картину доступнее широкому читателю, но искажает историю.

Теодор Моммзен — учитель русского философа и поэта Вячеслава Иванова.

Heinrich Treitschke (1834 — 1896)

Немецкий историк-националист, идеолог прусского духа и германской экспансии. Переиначив известную формулу Тацита, Трейчке заявил, что всякий, кто занимается историей, должен писать её «cum ira et studio» (с гневом и пристрастием).

Его главный труд «История Германии» был принят в качестве официального курса истории при Гитлере.

Поль Рикёр: «Вклад в философию немецкой исторической школы, к к<ото>рой принадлежат Гегель, Ранке, Вебер, состоит в том, что благодаря этим мыслителям произошло соединение духовного элемента, то есть интенции, и каузального элемента обстоятельств. В действит<ельно>сти никогда нельзя определить надстройку, не включая в неё с самого начала ч<еловече>ский фактор и его продуцирование на реальность. Надстройка всегда представляет собой некую

круговую связь интенциональных и структурных элементов». (П. Рикёр: Герменевтика, этика, политика. М., 1995. С. 96).

Промежуточный баланс

При всех различиях христианское, гегелевское и марксистское воззрения на историю имеют существенные общие моменты: все они утверждают единство и направленность мирового процесса, отрицают круговорот как господствующую форму общественно-исторического движения, отвергают абсолютизацию автономности в развитии различных культур.

Прометеевская идеология прогресса секуляризировала добровольное самопожертвование Христа.

die Selbstbewegung (нем.) = самодвижение, историческое движение, целиком зависящее от своих собственн<енны>х законов.

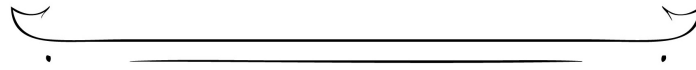
Граф Жозеф Артюр де Гобино (1816 — 1882)

Французский дипломат, ориенталист-любитель, писатель и философ; был послом в Персии, Греции, Бразилии и Швеции. Один из первых пророков неминуемой гибели западной цивилизации.

Это основная мысль его труда «О неравенстве ч<еловече>ских рас» (4 тома, 1853 — 1855). Гобино предложил радикально биологическое обоснование исторического процесса. Всякий политический упадок есть «вырождение». Главный фактор цивилизации — «чистота расы», к<ото>рую, однако, никогда не удаётся сохранить надолго. «Этнические смеси» разрушают единство стиля жизни и приводят к вырождению ч<елове>ка, а вместе с тем — к распаду всей социальной структуры.

Гобино постулировал иерархию рас: негры всецело чувственны и неспособны к рациональному самоконтролю, жёлтая раса проникнута утилитаризмом, а потому ей неведомы героичес<кие> порывы и высокие достижения. Единственной «исторической расой» является белая; она «первоначально владела монополией на красоту, ум и силу». Где бы ни возникла цивилизация (Г<обино> насчитывает их 10), в её рождении обязательно принимала участие «белая кровь».

Но и белая раса неоднородна: она состоит из хамитов, семитов и яфетидов (по именам трёх сыновей Ноя в Ветх<ом> Завете). Первые две разновидности оказались менее жизнестойки и быстро смешались с чёрной расой. Из яфетидов Г<обино> превозносит «семейство арийцев»: с ними связано всё лучшее на земле. Это прирождённая «раса владык», самая сильная и красивая; она полная энергии, бесстрашия и созидательного гения. Сознавая свою уникальность, арийцы старались сохранить чистоту породы: отсюда — жёсткая социальная иерархия (напр<имер, кастовый строй в Индии).

Культуру могут сохранить только группы, к<ото>рые блюдут свою чистоту во многих поколениях (напр<имер>, дворянство). Иначе говоря, все бедствия проистекают от равенства, к<ото>рое равнозначно вырождению. Последнее ведёт к упадку культуры и прежде всего к потере данной нацией способности господствовать. Гобино первым попытался изобразить всю мировую историю как историю борьбы благородных рас против неполноценных. Гобино можно считать основоположником «теоретического» расизма.

Уже в момент появления расовая концепция Гобино подверглась убедительной критике А. де Токвиля и Эрнеста Ренана. Сам Гобино был разочарован тем, что его книга получила большой резонанс только среди рабовладельцев США. Они приняли книгу восторженно. Им очень понравились утверждения Гобино, что низшие расы не поддаются цивилизации и потому предназначены судьбой служить для высших рас «живыми машинами, выполняющими полезную работу».

Неудобные факты Г<обино> с презрением отвергал. Так, в «Истории персов» (1869) он объявил «чудовищной ложью» традиционную версию греко-персидских войн, поскольку арийцы Дария и Ксеркса не могли быть хуже «семитизированных греков».

Драматич<еская> пенталогия «La Renaissance» (Р., 1877) проникнута тем же мотивом неизбежного декаданса ввиду ухудшения ч<еловече>ской породы. Здесь предпринята попытка эстетизации и реабилитации папы Александра VI и Цезаря Борджиа.

13 октября 1882 Гобино умер в Турине. Посмертно была опубликована его поэма «Амадис» — попытка возродить средневековый рыцарский эпос (возможно, под влиянием Рихарда Вагнера, с к<ото>рым Г<обино> сблизился в последние годы жизни).

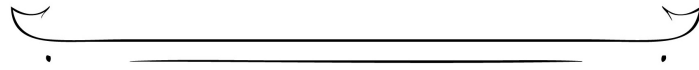
Гобино основал расово-антропологическую школу в социологии. Он пытался защитить аристократию в век триумфа крупной буржуазии, но при этом опирался на этнологическую или культурно-антропологическую аргументацию.

Гобино во многом предвосхитил концепцию Ницше.

Лев Толстой: исторический фатализм или антиисторизм?

Великий романист Лев Николаевич Толстой (1828 — 1910) углублённо занялся историей в годы обдумывания и создания романа «Война и мир».

Он с язвительной насмешкой отверг западную (в основном французскую) историографию Наполеона и не раз издевался над Адольфом Тьером, к<ото>рый объяснял неполную победу французов при Бородине насморком императора. Толстой не жаловал и русских историков, но при этом широко использовал мемуарную литературу.

Несмотря на массу историч<еских> деталей, «Война и мир» не может претендовать на точность и полноту описаний. Толстой принципиально и сознательно отказался изображать ужасы крепостничества, т. к. это ослабило бы цельность его эпопеи. Перед вторжением Наполеона по России прокатилась война крестьянских волнений; Толстой описал лишь карикатурный богучаровский бунт.

Личность Наполеона он, конечно, преуменьшил. Он описал его весьма упрощённый утренний туалет, каким он был на о<стро>ве Св<ятой> Елены; перенося это описание в 1812, Толстой искажает факты. Широко использует мемуары маршала Мармона, к<ото>рый очернил Наполеона именно потому, что предал его. Толстой отбирал из океана лит<ерату>ры книги, враждебные Наполеону.

Толстой в «Войне и мире» уничтожал мифологию великой личности и заменял её мифологией народа. История есть «роевая жизнь», жизнь больших масс, борьба народов; она подчиняется стихии приливов и отливов, расовых миграций, великих переселений. Это природное явление. Мировоззрение Толстого в В<ойне> и мире» часто определяется как исторический фатализм. Но может быть, вернее говорить о биологическом фатализме?

Главную роль в истории играет народ, личность не имеет самостоятельной роли. Но что же движет народами? Сверхличная стихийная сила, в конечном счёте подчинённая вечным законам нравственности. В Толстом моралист поглотил историка.

Он испытал влияние Руссо и Шопенгауэра; противостоит взглядам Карлейля.

Толстой обвиняет современных ему историков-позитивистов в том, что они, признавая на словах новые идеи в естественных науках и даже будто бы опираясь на них, в своих специальных работах фактически не признают закона необходимости и возвращаются к устарелым представлениям о свободе воли (даже о произволе) отдельных выдающихся личностей в истории.

Получается, что историч<еская> наука полностью обходит жизнь и деятельность подавляющего большинства людей, не признаёт их роль и значимость в истории.

Н. А. Бердяев, «Духи русской революции»:

«Возвышенность толстовской мысли есть великий обман, к<ото>рый должен быть изобличён, Толстой мешал народному рождению и развитию в России нравственно ответственной личности, мешал подбору личных качеств и потому был злым гением России, соблазнителем её... В нём русское народничество, столь роковое для судьбы России, получило религиозное выражение и нравственное оправдание... В то время, как принятие этого толстовского морального сознания влечёт за собой погром и истребление величайших святынь и ценностей, величайших духовных реальностей, смерть личности и смерть Бога, ввергнутых в безличную божественность среднего рода... Исторический мир — иерархичен, он весь состоит из ступеней, он сложен и многообразен, в нём — различия и дистанции, в нём — разнокачественность и дифференцированность. Всё это так же ненавистно русской революции, как и

Толстому. Она хотела бы сделать исторический мир серым, однородным, упрощённым, лишённым всех качеств и всех красок. И этому учил Толстой, как высшей правде. Исторический мир разлагается на атомы, и атомы принудительно соединяются в безличном коллективе».

Во второй части эпилога к «Войне и миру», посвящённой разъяснению историософской концепции романа, Толстой писал:

«Предмет истории есть жизнь народов и ч<еловече>ства... Движение народов производят не власть, не умственная деят<ельно>сть, даже не соединение того и другого, как то думали историки, но деят<ельно>сть всех людей, принимающих их участие в событии...»

Поэтому, как справедливо заметил С. Бочаров, в «Войне и мире», принципиально соизмеримы и равноценны в своей значит<ель>ности сцены семейные и исторические».

Толстой, по мнению Е. А. Маймина, «не только историю объясняет “человечески”, но и факты и дела ч<еловече>ские и как будто сугубо личные осмысляет и оценивает исторически».

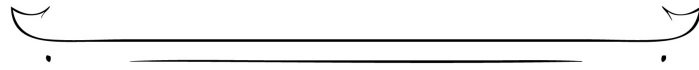
Jacob Burckhardt (1818 — 1897)

Швейцарский историк и философ культуры, искусствовед, профессор в Цюрихе (1855) и Базеле (1858 — 1893), зачинатель культурно-исторической школы в историографии; эта школа выдвигает на первый план историю духовной культуры (Kulturgeschichte).

Его монография «Эпоха Константина Великого» (1853) посвящена упадку античности, вызванному её внутренним кризисом, а также проблеме преемственности античной культуры в христианстве. Как искусствовед и историк Буркхардт занимался в основном итальянским Возрождением. В своём знаменитом труде «Kultur der Renaissance in Italien» (1860, русск<ий> пер<евод> тт. 1-2, СПб, 1905, 1906) Б<уркхардт> развил широко утвердившуюся концепцию Возрождения; одним из первых он обратился к событиям и личностям того «истерического» Ренессанса, к<ото>рый давал оправдание безудержному насилию одиночек над «бездушной толпой».

После смерти Б<уркхардта> на основании конспектов его лекций в 1898 — 1902 годах были изданы 4 тома «Griechische Kulturgeschichte», оказавшие заметное влияние на развитие культурной историографии. Хотя Б<уркхардт> в своём анализе истории как процесса не был свободен от телеологических воззрений, его культурно-исторический обзор в яркой лит<ерату>рной форме даёт более близкое к действит<ельно>ти общее представление о греческой античности, чем неогуманизм.

Под влиянием пессимизма Шопенгауэра Б<уркхардт> считал историю самой ненаучной из всех наук («Weltgeschichte Betrachtungen», опубл<иковано в> 1905). В

этой книге «Размышления о всемирной истории» Б<уркхардт> дал своё толкование истории. Он рассматривает три основных силы истории (государство, религию и культуру) в их взаимной обусловленности, исторические кризисы, исторические величины (индивид и общее), а также роль счастья и несчастья в мировой истории. Б<уркхардт> предостерегает против конструирования каких-либо закономерностей, и прежде всего против веры прогресс, оставляя историч<еские> события под покровом непостижимой загадочности.

Но в этих самых «Размышлениях» содержится грозное предказание Буркхардта: в близком будущем социальные потрясения соединятся с огромными войнами между народами. Он был совершенно прав (см. выше сходное предсказание Энгельса).

Фридрих Ницше считал Буркхардта своим учителем.

Буркхардт умер 8 августа 1897, в день страшного извержения Везувия.

«Культура Ренессанса в Италии» (1860)

В этой книге и др<уги>х своих работах Б<уркхардт> талантливо развил представление о том, что культура Возрождения — результат работы плеяды замечательных личностей; на первый план он выдвигает прославленных кондотьеров и политиков — Висконти, семью Сфорца, Лодовико Моро, Пиччинино и др<уги>х. Все они были тираны, душители коммунальных свобод, и теория Буркхардта выразила воинствующий индивидуализм его времени. В кач<ест>ве основной черты культуры Возрождения Б<уркхардт> выдвинул индивидуализм, к<ото>рый привёл к «открытию мира и ч<елове>ка». Он замечат<ель>но описал жизнь и быт итальянских городов, нравы и типы людей Ренессанса.

Главный недостаток этого блестящего труда — неспособность Б<уркхардта> оценить постепенное развитие Возрождения из Средних веков (концепция уникальности Возрождения). У него Возрождение выглядит возникшим внезапно, как бы антиисторически, что противоречит фактам.

Б<уркхардт> не был слепым поклонником Ренессанса, он полностью признавал его жестокую оборотную сторону, но считал это необходимой ценой его великих эстетических достижений.

«История греческой цивилизации» («Griechische Kulturgeschichte»)

Эти четыре тома (1898 — 1902) по сей день влияют на западную культурологию.

Б<уркхардт> рассматривал историю как феномен без телеологии. Его культурно-исторический обзор даёт более реалистическую панораму античности, чем неогуманизм с его идеализирующим и гармонизирующим образом Греции.

Буркхардт отверг всякое романтическое поклонение грекам и трактовал эллинскую цивилизацию честно, без прикрас.

<Фрагмент о Буркхардте>

Буркхардт выступил против «моральных суждений» в истории, к^{ото}рые, с его точки зрения, порождают «оптические иллюзии». Представления о моральном прогрессе могут применяться к отдельным личностям, а не к эпохам. Поэтому Буркхардт иронизирует над Боклем, разделявшим идею морального прогресса, и отвергает идеалы Просвещения как иллюзорные.

Буркхардт приходит к выводу, что жизнь человечества есть нечто целое и управляется «высшей необходимостью». Историческая жизнь наций, как и естественная история, пронизана борьбой за жизнь. Только в движении, в изменении со всей его болью существует жизнь. А это и есть история.

Зло на земле — неотъемлемая часть мировой истории. Насилие, право сильного над слабым определяет борьбу за жизнь. История не имеет морального смысла.

Буркхардт, сравнивая Чинхисхана и Тамерлана, отметил, что Тамерлан был так же мал, как Чингисхан велик.

Фридрих Ницше (1844 — 1900)

Немецкий философ-волюнтарист, поэт, филолог-классик, один из наиболее влиятельных в XX веке художников слова.

Певец «прекрасной жестокости», основоположник «философии жизни», Ницше стремился «задержать поток, по-видимому, неизбежной революции». Под этим углом зрения он подверг переоценке принципы и нормы либеральной идеологии: рационалистическую философию, традиционную этику, христианскую религию. Они расслабляют, лишают воли к борьбе. Для будущей «касты господ» Ницше проповедовал безудержный индивидуализм права и нравственности.

Резко критиковал платонизм и христианство.

Ранние критико-филологические работы Ницше посвящены Диогену Лаэртскому.

В лучшей своей монографии «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше в острой полемике с Виламовицем-Меллендорфом отверг неогуманистическое представление о греческой античности как о «благородной простоте и спокойном величии».

С одной стороны, он выступал как продолжатель классической традиции немецкой философии и немецкого романтизма, с другой — пытался раскрыть иррациональные аспекты европейской культуры. Он показал резкое различие между

греческой архаикой и классическим периодом, начинающимся с Сократа. Любимцы Ницше — это философы-досократики, а Сократа он ненавидел и презирал.

В книге «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше выделил два начала бытия и культуры: «дионисийское» (т. е. «жизненное», стихийное, оргиастически страстное, титаническое) и «аполлоновское» (созерцательное, гармонически разумное, односторонне интеллектуальное). Ницше считал, что подлинная культура должна стремиться к равновесию этих начал. Древним грекам это удалось один раз — в аттической трагедии. Европейская культура не смогла осущ<ест>вить идеал гармонии дионисийского и аполлоновского; поэтому ч<елове> начал удаляться от истоков своего сущ<ество>вания, разумея под бытием сплошную и обозримую упорядоченность, а не стихийное становление.

Становление — боевой клич Ницше. Впервые в истории философии в центре внимания философа оказалось не бытие, а становление. Своим предтечей или первым учителем Н<ицше> объявил Гераклита Эфесского.

Усматривая в рабстве основу греческой культуры, Н<ицше> полагал, что реконструкция института рабства способствовала бы восстановлению здоровых общественных отношений.

Переняв у англичан социальный дарвинизм, Н<ицше> признал универсальный движущей силой развития «борьбу за сущ<ество>вание», которая у него перерастает в «волю к власти». Он раскритиковал гегелевскую схему исторического развития. Для Ницше базисная категория — «жизнь». История противоположна стихии жизни. Неисторическое и историческое одинаково нужны для здоровья индивида.

Теории прогресса Н<ицше> противопоставил миф о вечном возвращении всех вещей (= теорию круговорота). Поэтически обработан этот миф в книге Ницше «Так говорил Заратустра». Время есть круг. Для мифологического сознания сущ<ест>вует только настоящее время (см. Элиаде, Мирча: Миф вечного возвращения. Архетипы и повторения. 1949).

Профессоров позитивизма Н<ицше> насмешливо обозвал «филистерами образования». А вообще филистеров он заклеил редкостным прозвищем: «смесь растения с призраком» («Так говорил Заратустра»). Но он с отвращением относился и к «моральным фанатикам» типа Руссо.

Называть его реакционером — неточно. Ницше был антимилитаристом, врагом Германской империи и политики Бисмарка. Националист ли он? Ницше считал зазорным для себя быть немцем и был (ошибочно) уверен в своём польском происхождении. Антисемит? Скорее он был юдофилом. Говорят, он считал благодеянием судьбы повстречаться с евреем.

В «Несвоевременных размышлениях» (1876) он издевался над «филистерской культурой» новогерманской империи и над выхолощенной исторической наукой, сужившей лишь «удобным оправданием для ухода от жизни и деяний».*

* На поле слева вертикальная скобка ко всему абзацу и восклицательный знак.

⤿

По мнению Ницше, XVIII и XIX века прошли под знаком упадка духовной жизни Европы и создали нигилизм. Сущность его — в обесценке высших идеалов, к к<ото>рой всегда приводит безраздельное господство рационализма, морали стадного ч<елове>ка и стремления к социальному равенству. Философия лишилась аристократизма, а христианство навязало сострадание и милосердие к низшим слоям общества.

Об Иисусе Христе Ницше высокомерно обронил: «Жаль, что рядом с этим интересным декадентом не было своего Достоевского» Евангелистов он презирал, апостола Павла считал мерзавцем: Ressentiment (злбную мстительность) в европейское сознание внёс только «Павел из Тарса».

Ницше даже Французскую революцию готов был оправдать тем, что она породила Наполеона. Однако народ он презирал. Весь XIX век проповедовал народолюбие — и демократы, и либералы, и консерваторы. Ницше воинственно разоблачает лицемерие европейской народности и демонстрирует отвращение к народу. «Великая скука к людям, она заползла ко мне в глотку» («Так говорил Заратустра»). Он с презрением относился к «потным плебейам» и считал, что рабство принадлежит к сущности культуры.

В своей переоценке ценностей Н<ицше> отводил искусству роль противоядия от нигилизма. Оно должно спасти сильных духом от упадка и жалости к обездоленным, дать им освобождение от моральных обязательств перед униженными и угнетёнными.

Н<ицше> понимал жизнь как вечное движение, становление, постоянное течение. Такое представление определило у него трактовку всех жизненных процессов как проявлений действия воли к власти (= присущей всему живому тяги к самоутверждению). Всё это увенчивается аристократической утопией Сверхчеловека: в ней Ницше выразил необходимость преодоления постоянных черт, присущих ч<еловече>ской природе.

Своего Заратустру он назвал «учитель вечного возвращения».

<О нигилизме>

Нигилизм (nihilism, от лат<инского> nihil — ничто) — слово, отмеченное в словарях довольно рано: во франц<узском> nihiliste — под 1797, nihilisme — под 1842. В России профессор Надеждин употреблял слово «нигилист» в значении «невежа», «ничего не знающий человек». Новая карьера понятия началась с романа Тургенева «Отцы и дети» (1862).

Герой романа революционер Базаров заявляет, что отрицает всё. По характеристике Аркадия Кирсанова (гл<ава> 5), Базаров не признаёт никаких авторитетов и не принимает на веру никаких принципов. Антагонист Базарова, Павел Петрович Кирсанов, изрекает каламбур: «Раньше были гегелисты, а теперь нигилисты».

⤿

NB! Базаров исповедует уважение к труду, а о Феничке говорит: «Она мать — ну и права». У него есть свои ценности. Но брошенное Тургеневым слово, помимо его намерений, стало кличкой всех русских революционеров XIX века, особенно террористов-народников. Они стали пугалом Европы, они изображались дикими и бородатыми врагами порядка и культуры. «Русские нигилисты» приравнивались к анархистам. Особенно большую роль в травле нигилизма сыграл Достоевский («Бесы»), а также Лесков с несколькими «антинигилистич<ескими> романами».

Свою историю имел немецкий термин Nihilismus. Впервые опять-таки в морально-психологич<еском> смысле: у Фридриха-Генриха Якоби, Жан Поля, Йозефа Гёрреса, Карла Иммермана мелькало слово Nihilist. Впервые политическое значение ему придал Карл Гуцков в романе «Die Ritter vom Geist» (т. I, гл. 7): «Ein Nihilist bringt ebenso die Welt in Verwirrung der phrasenhafte Egoist».

Фридрих Ницше обновил это понятие. Он оказался в ряду «пророков гибели», глашатаев катастрофизма. Карлейль был в ужасе от века механизации, Буркхардт — от нового варварства. Их ученик Ницше предвидел приход нигилизма, понимая это гораздо шире тургеневского прозвища: «Что означает нигилизм? То, что высшие ценности теряют свою цену. Нет цели. Нет ответа на вопрос: “зачем?”». Нигилизму он противопоставил свою героическую этику — этику Сверхчеловека.

Поздний Ницше считал, что христианство и анархизм равно направлены к уничтожению культуры и здоровых начал в человеке, а потому «между христианином и анархистом можно установить полное равенство; их цель, их инстинкт сводится лишь к разрушению» («Антихрист», изд<ано в> 1895).

Прославление грядущего Сверхчеловека внушило его создателю отвращение к социализму как власти слабых и бездарных и привела Ницше к осуждению тред-юнионов, т. к. они внушают рабочим недовольство своею судьбой.

Афоризмы и наброски Ницше

«Развитие сознания делает невозможным совершенство... форма комедии».

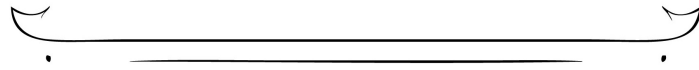
«Раз навсегда, я не хочу много знать».

«Мудрейший богат противоречиями, для каждого рода людей у него свой собственный орган чувства, и в результате возникает момент грандиозной гармонии — нам дан высокий удел! Своего рода планетарное движение».

«Понятие вины не достигает последних оснований бытия».

Учение о переселении душ: «Продумать эту идею в её ужасающей форме. Бытие как оно есть — без смысла и цели, но неотвратимо возвращающееся без конца в ничто: вечное возвращение, крайняя форма нигилизма; ничто и утрата смысла вечны».

«Одно и то же преступление может стать в одном случае доблестью, в другом — клеймом».

«Мы — атеисты и имморалисты, но мы поддерживаем прежде всего в религии и морали стадный инстинкт: именно в них подготавливается такой тип ч<елове>ка, к<ото>рый попадёт к нам, к<ото>рый жаждет этого».

«Защищаться могут только варвары».

«Лишь на базаре нападают с вопросом “да или нет”» («Так говорил Заратустра»).

«Отчего смертная казнь оскорбляет нас больше, чем убийство?»

«Заблистать через триста лет — вот моя жажда славы».

«Для того, чтобы действовать, надо забывать».

«Если жизнь не удаётся тебе, если ядовитый червь пожирает твоё сердце, знай, что удастся смерть».

«Ч<елове> — это канат, натянутый над пропастью, разделяющей животное и сверхчеловека».

Ницше называл ч<елове>ка «болезнью земной оболочки». Он писал, что ненавидит обывательство «гораздо более греха». В «маленьком ч<елове>ке» нет никакого духовного начала.

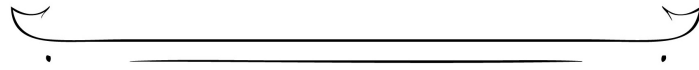
Ненависть к Сократу. Ещё в «Рождении трагедии из духа музыки» Ницше резко критиковал Сократа и сократические элементы греческой культуры. По его мнению, Сократ опошлил греческую духовную жизнь, поскольку он из аполлоновской и дионисийской форм жизни сделал абстрактную теорию.

Ressentiment (франц.) — новое переживание прежнего чувства и благодаря этому его усиление; в частности, чувство вражды, жажда мести, чувство бессильной злобы, к<ото>рое человек, нижестоящий в социальном и духовном плане, испытывает по отношению к знатному и власть имущему, доходя, в конце концов, до ненависти к самому себе. Ницше с отвращением писал о рессентименте, объясняя им возникновение христианства.

«Вечное возвращение». Всё повторяется. Сумма всех комбинаций атомов вселенной конечна в бесконечности времён; и если повторится хотя бы одна из комбинаций, то повторятся и все остальные. «Все комбинации атомов, слагающих жизнь, бесконечно повторялись, повторялись и мы. Повторялись и повторимся. Миллиарды веков, отделяющих наше повторение, равны нулю; ибо с угасанием сознания угасает для нас и время. Время измеряем мы в сознании. И бесконечное повторение конечных отрезков времени минус течение времени, когда нас нет, создаёт для нас бессмертие, но бессмертие этой жизни».

Бытие находит высочайшее оправдание в борющихся, Творческих личностях. В немецкой истории их было очень немного: Ницше упоминает Гёте, Канта, Гейне и Шопенгауэра. Однако последнее оправдание бытия — в будущем явлении сверхчеловека.

Андрей Белый в 1901 писал, что «идея сверхч<еловече>ства есть идея прикладной религии, религия, если можно так выразиться, психологическая». Он

осмыслял Фридриха Ницше по аналогии с Христом, а его участь уподоблял распятию. В статье «Фридрих Ницше» (1907) Белый поставил философа вровень с Христом как великого «учителя жизни», создавшего «религию жизни».

Любимые герои Ницше — Цезарь Борджиа и Наполеон. Любимые писатели — Стендаль, Шопенгауэр и Достоевский, особенно Достоевский, хотя Н<ицше> не разделял его идеалов. Ницше предсказывал в скором будущем революции и огромные войны, гиперболизируя тревожные предвидения Буркхардта.

В лице Ницше гуманизм пришёл к самоотрицанию. Его концепции воли к власти и вечного возвращения суть образцы оптимизма отчаяния. Сначала он прославлял греков за их «пессимизм силы», но когда серьёзно заболел — стал оптимистом, потому что больной не имеет права на пессимизм.

Его единственной родственной душой была красивая и умная Лу Саломе, дочь генерала русской армии (родилась в Петербурге). Ницше сделал ей предложение, но Лу отказалась от брака с ним, что усугубило его мизогинию. Он даже заявил, что женатый философ — это персонаж для комедии, а в «Заратустре» старуха даёт совет герою: «Ты идёшь к женщине? Не забудь плётку!»

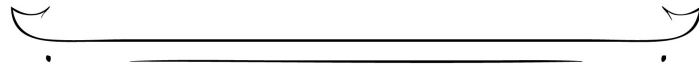
Эмманюэль Мунье говорит о «страстном анархизме Ницше». Действит<ель>но Ницше отверг гегелевский культ государства, но анархистом в точном смысле слова он не был. Ницше считал анархистов столь же вредными для культуры, как и христиан.

Ницше — предтеча экзистенциализма. Он уже разработал позиции «стоического антиисторизма»: надо действовать сверх-исторически, бороться вопреки очевидности без надежды на успех.

Он объявил высшей задачей мысли сознательное мифотворчество. Он поставил вопрос: «хотим ли мы истины?» Всякое познание относительно; единственный критерий познания — это субъективное самочувствие. Задача философии — не познание («раз навсегда, я не хочу много знать»), а изменение оценки внешнего мира: поставить на место бесплодного или опасного для жизни представления — другое представление, благоприятствующее жизни. (Такой субъективизм выводит Ницше за пределы философии).

<О Ницше>

В 1844 в маленьком городе Рёккен в семье священника родился Фридрих Ницше. В школе он часто цитировал наизусть Библию и за свою серьёзность был прозван «маленьким пастором». Был первым учеником. Его школа — это Шульпфорт, бывший монастырь. Классическая школа. Сохранилась запись в кондуите, как Ницше и какой-то другой школьник зашли в пивную и выпили пива, Ницше выпил 4 кружки и был совершенно пьян. За это его временно лишили звания первого ученика.

Он вырос врагом христианства. Он заявил: «Эгоизм да будет нашим богом».

Наумбург — маленький гарнизонный городок в Саксонии, с знаменитым собором; там жили мать и сестра Ницше, он к ним приезжал. Очень не любил Наумбурга.

Фр. Ницше — ученик Шопенгауэра и Буркхардта, поклонник Вагнера. Композитор думал, что нашёл в нём проповедника своей музыки, и снискал ему кафедру в университете. И сначала Ницше действенно пропагандировал музыку Вагнера. Композитор дарил ему свои книги с дарственными посвящениями. Но когда Вагнер вернулся к христианству, Ницше с ним порвал и напечатал скандальную статью «Случай Вагнера», в которой объявил его декадентом. Теперь он иронизировал над Вагнером, заявляя, что в его музыке слишком много «потогонной серьёзности». Музыка должна соблазнять, а не насиловать. Ницше предпочитает более лёгкую «Кармен» Бизе и предрекает ей огромный успех (угадал).

Ницше стал судьёй своей эпохи, тираном духа. Он видел в эпохе две полярные силы — социализм и национализм. Сущность первого — зависть, сущность второго — лень. Социалисты хотят как можно меньше работать руками, националисты — как можно меньше работать головой.

Лето 1882 года Ницше провёл в деревушке Таутенберг в общест^еве Лу Саломе, еврейки из Санкт-Петербурга. Впервые он нашёл девушку, которая его понимала. Но они жили на отдельных квартирах. При этом Лу жила вместе с Элизабет, сестрой Ницше. Элизабет была рьяной антисемиткой (сам Ницше считал антисемитизм глупостью). Ревность Элизабет — причина разрыва Ницше с Лу.

В 1888 году Элизабет основала архив Ницше, к^{ото}рый со временем сделал её весьма богатой женщиной. Она скомпилировала из кусочков книгу «Воля к власти», к^{ото}рая долго считалась главным трудом Ницше. Только в 1950-х годах доказано, что это — фальсификация. Это не его книга.

Ницше был провидцем. «Я обещаю трагический век».

«Моя истина ужасна».

И он же в своей автобиографии предостерегал: «Прежде всего не запутайтесь во мне».

В конце 1888 года в Турине Ницше погружается в полное затворничество и одиночество. Он рассылает множество писем и записок, к^{ото}рые подписывает «Дионис» или «Распятый».

3 января 1889 года на улице в Турине Ницше увидел, как возчик жестоко избивает лошадь. Ницше обнял её, пытаясь защитить от побоев. В этот день он окончательно и полностью сошёл с ума.

Элизабет вела роскошный образ жизни. На первом этаже жил тот, за счёт к^{ото}рого она процветала. Он лишился дара речи. Его стригли, брили, оставляя лишь усы — огромные, пышные. Иногда, одев его в белые одежды, его показывали

поклонникам, и те благоговейно созерцали, как сидит в кресле или как ест этот живой труп.

Афоризмы и наброски Ницше <(продолжение)>

Согласно Ницше, ход исторического развития определяется стремлением сильных личностей к власти, а захватнические войны — благотворный фактор в развитии ч<еловече>ства. Впрочем, он неоднократно противоречил сам себе и менял свои мнения (самый скандальный пример — «казус Вагнера»). Он вызывающе определил себя как «Дон Жуана познания».

Его Заратустра говорит: «Призываю вас не к труду, а к борьбе... Война и мужество сделали больше великого, чем любовь к ближнему».

Ницше — противник христианства, социализма, буржуазии и пролетариата. Бертран Рассел назвал его «сикофантом аристократии».

Обладая острым афористическим мышлением, Ницше подверг всесторонне разоблачающей критике порочные основы буржуазной морали и политики. Он оказал решающее воздействие на творчество таких писателей-гуманистов, как Бернад Шоу и Томас Манн. Вместе с тем ницшеанская «переоценка всех ценностей» объективно ведёт к оправданию имморализма.

Учение о вечном возвращении стирает всякий детерминизм. От Ницше это учение заимствовали русские символисты. Александр Блок придал этому мифу трагический характер.

Поклонниками Ницше были Бенито Муссолини (ещё в бытность социалистом издавший эссе о Ницше — «Философия силы»), молодой Горький (его ранние герои — ницшеанцы-анархисты), Анатолий Луначарский (выразил полное согласие с антихристианством Ницше) и Адольф Гитлер, предпринявший попытку тотальной дискредитации морали.

Либеральные национализмы

Эрнст Трёльч в книге «Историзм и его проблемы» (М., 1994) пишет:

«Частное и индивидуальное, национальное и традиционное у позитивистов и их учеников скрывается <...> в произвольном отождествлении прогресса ч<еловече>ства с собственными национальными ценностями и организационными обычаями, подобно тому, как некогда у евреев монотеизм сочетался с иудейской исключительностью в учении об избранном народе или как в панславизме христианская соборность соединяется с исключит<ель>ными притязаниями славянства в учении об освободительной миссии славянства по отношению к загнивающему Западу. Таким обр<азом>, то американская демократия, то английский парламентаризм, то слава Французской революции превозносятся как сущность ч<еловече>ства и закономерного прогресса». (с. 310 — 311).

Ernst Troeltsch (1865 — 1923)

Немецкий теолог, философ, историк религии; представитель либерального протестантизма. Взгляды его сложились под влиянием «философии жизни», «понимающей социологии» и Баденской школы неокантианства.

Осознание несоответствия господствовавших теологических идей требованиям современности, невозможности сохранения традиционного религиозного сознания (католического или лютеранского, всё равно) в условиях существующей социально-экономической действительности привело Трёльча к постановке основной проблемы его творчества — проблемы историзма.

Отчётливо понимая неизбежность кризиса христианства, кризиса, вызванного ростом исторического сознания, Трёльч считал, что с помощью веры можно прийти к утверждению вневременных ценностей, хотя их рациональное осмысление и научное обоснование невозможны. Он разработал типологию религиозных групп (церковь, секта, мистическое сообщество) и показал, как религиозная идея, воплотившаяся в определённой организации, создаёт правила, нормы, ценности для регулирования всех форм общественной жизни.

По мнению Трёльча, сложившийся в немецкой науке XIX века историзм как один из главных принципов гуманитарных исследований выродился в релятивизм, преодоление которого и есть настоящая цель его философской системы. Своё понимание истории Трёльч определяет как «исторический реализм», основанный на проверенных данных эмпирической истории. Философское преодоление исторического релятивизма требует решения чрезвычайно трудной задачи — найти путь от эмпирической истории, от логики конкретного исторического исследования к установлению того масштаба, идеи которого позволяют создать необходимое культурное единство.

Трёльч считал чисто умозрительной возможность расширения истории до границ истории всего человечества. Он пришёл к выводу о необходимости ограничиться определённой культурной сферой, к примеру, для европейцев — историей Европы. Человечество не обладает духовным единством, а потому не обладает и единой логикой развития. Для европейцев существует лишь одна всемирная история — история европеизма. Все остальные культуры могут быть привлечены для сравнения в качестве параллелей развития для выявления общих социологических типов, но они никогда не смогут стать предметом исследования для европейских учёных.

Религиозная философия Трёльча содержит глубокие противоречия, особенно в решении проблем религии и нравственности.

Историзация культуры и религии в его работах сочетается с присутствием бесконечного в конечном, с пониманием развития как выражения трансцендентной идеи. Новый синтез ценностей — этика и мораль — мыслился Трёльчем как

ориентированный на религиозные нормы, к^{ото}рые, будучи историчными, проникнуты, тем не менее, Абсолютным Духом и выражают его самодвижение во времени.

Wilhelm Dilthey (1833 — 1911)

Немецкий философ и литературовед, один из главных представителей «философии жизни». Предметному объяснению жизни он противопоставил свой метод «понимания» жизни — описательную психологию. Примыкая к Бергсону, Дильтей считает, что жизнь ничем не ограничена и неопределима; она течёт из тайных источников и стремится к неизвестным целям, она доступна нашему осмыслению лишь частично. Доступны индивидуальные жизненные явления и психологическое их толкование. История как целое не имеет смысла; последним обладают лишь отдельные её эпохи, замкнутые в себе «культурные системы», каждая из к^{ото}рых имеет индивидуальную структуру.

Изучение историч^{еского} процесса Дильтей заменил описанием психического развития личности. Почти все его исследования — это биографии. Чтобы сделать свою науку способной к «созидающему синтезу», он вернулся к Гегелю, но сведённому лишь к метафизике. Стержень исторического развития Дильтей видел в метафизическом переживании гениев. История Духа должна строиться на рассмотрении каждой отдельной культурной системы как выявления саморазвития единого духа идей эпохи.

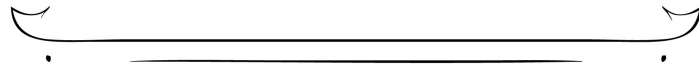
Дильтей учил постигать других людей, другие эпохи и культуры путём интуитивного вживания в них, «вчувствования».

История как наука

не может сущ^{ество}вать без «измышления»

«Историк часто страдает от недостатка фактических данных. Он стремится к возможно большей индивидуализации и конкретизации познаваемого. Он «вычитывает» из текста всегда более того, на что текст его уполномочивает. Описание характера историч^{еского} героя, его наружности, описание сражения или процессии, народного собрания или заседания парламента всегда конкретнее, чем говорящие о них свидет^{ельст}ва современников. Разве таким было коронование Карла Великого, каким мы, историки, его себе представляем и изображаем? Разве есть у нас право на такое точное изображение Клермонского собора или уличных эпизодов Великой Французской революции, какое вытекает из наших описаний? Можно порицать К. Жюллиана¹ за то, что при изображении одной из битв Ганнибала

¹ Camille Jullian (1859 — 1933) — автор 4-томной «Histoire de la Gaule», P., 1909 — 1912, изобилующей «художественными описаниями».

он позволяет себе говорить о лучах солнца, игравших на вооружении воинов: нам неизвестно, не было ли небо в описываемый момент покрыто облаками. Но не надо ли тогда порицать и одного из представителей ультра-строгой научности, усмотревшего задачу историка в сообщении читателю только “de texts bien nettoyés” Ланглуа², если он, описывая ночные свидания Людовика Святого с его молодой женой на лестнице, конкретно их себе и читателю представляет и даже позволяет себе видеть в них единственный романтический период в жизни французского короля? Убедившись в сущ^ествовании общего первоисточника для двух или неск^{оль}ких дошедших до нас источников, историк не останавливается на этом. Он стремится таинственный источник реконструировать, определить его дату и автора, и — не верьте его словам! — вовсе не для того, чтобы сделать свои утверждения более обоснованными, а (по крайней мере — в большинстве случаев) совсем по иной причине. В этом “художественном” моменте исторической работы объяснение того факта, что многие романисты, не обладая даром измышления фабулы, «опираются на сюжет» или лучше всего проявляют свой талант в произведениях исторического характера (А. Франс, А. де Ренье), а многие историки становятся и романистами (Эберс, Ф. Дан)³. Здесь же, в острой тяге к конкретно-индивидуальному, один из корней (конечно, не единственный) исторических подлогов (Макферсон, Ганка)⁴.

Не видеть в истории “измышления” нельзя, и не может сущ^{ество}вать история, как наука, без “измышления”. Если попытаться его из истории устранить, надо будет свести исторические труды к хронологическим таблицам, перечням фактом и собраниям текстов и строго запретить авторам прибегать к каким бы то ни было лит^{ерату}рным приёмам изложения. И то ещё останется много воображаемого...»

(Лев Карсавин: Философия истории).

Прославление силы

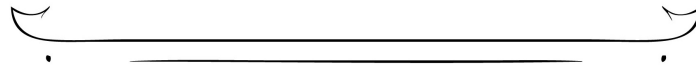
² Charles, Victor Langois (1863 — 1929) — франц^{узский} медиевист, требовавший изложения «хорошо очищенных текстов» (les texts bien nettoyés). Здесь говорится о его работе «St. Louis. Philippe le Bel. Les derniers Capétiens directs», опубл^{икованной} в 1901 в составе большой «Истории Франции» под именем и редакцией Э. Лависса.

³ Анатолий Франс в своих историч^{еских} романах («Таис», «Боги жаждут» etc.) великолепно рисовал дух и нравы минувших эпох. Henri de Regnier (1864 — 1936) — поэт-символист и автор исторических романов, не стремившихся к историч^{еской} точности.

Georg Ebers (1837 — 1898) — немецкий учёный-египтолог и исторический романист; очень точно рисовал быт минувших эпох. Felix Dan (1834 — 1912) — немецкий историк и автор серии романов «из времён переселения народов».

⁴ James Macpherson (1736 — 1796) — шотл^{андский} поэт, выпустивший свои вольные обработки кельтских сказаний под видом английского перевода песен легендарного барда III века Оссиана; мистификация была довольно быстро раскрыта.

Vaclav Hanka (1791 — 1861) — чешский поэт, филолог и деятель панславистского движения. Около 1817 сочинил и изготовил на пергаменте две подделки под старочешскую эпическую поэзию, «Краледворскую рукопись» и «Зеленогорскую рукопись», поддельность которых была доказана лишь к концу XIX века.

В 1897 — 98 гг. вышел 2-томный труд Генриха Трейчке «Политика» (автор умер в 1896). Трейчке был сторонником объединения Германии вокруг Пруссии, а в победоносной империи играл роль официального идеолога. Для него характерны культ силы, прославление захватнических войн, шовинизм и расизм.

В его лице академическая наука Германии отрекается от немецкого неогуманизма. Вот как эту измену своей же традиции описал Ромэн Роллан в романе «Жан-Кристоф»:

«Когда немцев били, они уверяли, что идеалом для Германии является человечность. Теперь, когда немцы победили других, они стали доказывать, что Германия и есть образец ч<елове>чности. Когда перевес был на стороне других отечеств, они утверждали вместе с Лессингом, что “любовь к отечеству есть героическая слабость, без к<ото>рой легко можно обойтись”. Они именовали себя “гражданами мира”. Теперь, после победы, они всячески выражали своё презрение к утопиям “на французский манер”, вроде всеобщего равенства; они говорили, что у наиболее могущественного народа есть абсолютное право по отношению к др<уги>м народам, а эти последние, будучи слабее, бесправны перед Германией. Она — живой Бог, олицетворённая идея, развитие к<ото>рой осуществляется на путях войны, насилия, гнёта. Сила — сила с большой буквы — теперь, когда она была на стороне Германии, стала священной. Силу превратили в образец идеализма, образец разума».

Max Weber (1864 — 1920)

Немецкий политэконом и социолог, основатель социологии религии. Он открыл то, о чём Маркс и не подозревал: экономическое значение религии.

Определяющее значение в жизни общ<ест>ва М. В<ебер> придавал религиозным идеям и представлениям. Он рассматривал религию как социокультурный институт, к<ото>рый совмещает в себе черты культурной системы (т. е. определяет сферу значений, символов и ценностей индивида и общества) и вместе с тем функционирует в виде самостоятельного социального института.

По Веберу, религия является одним из важнейших способов придания смысла социальному действию, определяет его значение и цели. Именно на основе религиозных установок все происходящие в жизни ч<елове>ка события квалифицируются как смысложизненные или бессмысленные. Религия создаёт определённую картину мира и в то же время задаёт систему ценностей и норм, в соответствии с к<ото>рыми одни действия разрешены, а другие запрещены. Тем самым религия создаёт определённую этику поведения.

Макс Вебер обосновал тезис о равнозначности экономических и духовных факторов в историческом процессе. Он подчёркивал духовную составляющую цивилизации, настаивал на религиозной обусловленности не только повседневного поведения верующих, но и их хозяйственно-экономического поведения.

В знаменитой книге «Протестантская этика и дух капитализма» (<1905>) Макс Вебер показал, что определённое сочетание этики и экономики в форме «протестантской хозяйственной этики» стало основным источником «духа капитализма», вызвавшего к жизни не только соответствующий тип общества, но и определённый тип цивилизации — европейскую буржуазную цивилизацию.

Макс Вебер объяснил, почему капитализм первоначально победил в протестантских странах, а католические страны отстали (особенно Италия и Испания). Капитализм — результат Реформации.

Макс Вебер ввёл понятие «аскетизм внутреннего мира»: это применение высвобожденной религиозным аскетизмом энергии в профессиональном труде, что особенно поощряется кальвинизмом.

Макс Вебер был энциклопедистом гуманитарного знания; испытал влияния идей Канта, Маккиавелли, Риккерта, Карла Маркса, Ницше и др<уги>х.

М. В<ебер> различал традиционный, харизматический и рациональный способ организации общественных отношений и соответствующие им типы культуры. Определяющей чертой современной европейской культуры, по Веберу, является рациональность. Наиболее яркие проявления рациональности: в экономике — изобретение двойной бухгалтерии, стимулировавшей развитие капиталистической организации производства; в политике — утверждение института формального права, в этике — честное отношение в особенности между кредитором и должником, в

музыке — распространение европейской нотной системы и соответствующего тонического лада

Поль Рикёр о значении воображения в историографии

«...Тщетно, кажется, настаивать на том, что современная история сохранила тот повествовательный характер, к^от^орый мы находим в старых хрониках и к^от^орый и по сию пору присущ политической, дипломатической или церковной истории, где рассказывается о битвах, предательствах, расколах и вообще о переменах судьбы, толкающих решительных индивидов к действиям. Я же утверждаю, что связь истории с повествованием не может быть прервана без утраты историей своей специфики, отличающей её от др^уг^их наук. Для начала замечу, что фундаментальная ошибка тех, кто противопоставляет историю повествованию, состоит в игнорировании интеллигибельного характера повествования, сообщаемого ему интригой, что было впервые подчёркнуто Аристотелем. На заднем плане критики повествовательного характера истории всякий раз обнаруживается наивное понятие повествования как бессвязной последовательности событий. Замечают лишь эпизодический характер повествования, но забывают о конфигурации, основе его интеллигибельности».

«Оставаясь связанной со временем и изменениями, историография остаётся связанной с деяниями людей, по словам Маркса, творящим историю в обстоятельствах, к^от^орые не ими были созданы. Прямо или опосредованно, история — это история людей, носителей, действующих лиц и жертв тех сил, учреждений, функций, структур, в к^от^орые они включены. В конечном счёте история не может совершенно отделиться от повествования, потому что она не может оторваться «от действия, где есть действующие лица, цели, обстоятельства, взаимодействия и желаемые или нежелательные результаты. Интрига же представляет собой базисное повествовательное единство, к^от^орое сочетает разнородные составляющие в интеллигибельную целостность».

«Нельзя сказать, что прошлое ирреально, но прошедшая реальность, строго говоря, неподтверждаема. Поскольку её больше нет, она намечается лишь опосредованно, через исторический дискурс. Здесь и выявляется родство истории с вымыслом. Реконструкция прошлого, как об этом прекрасно сказано у Коллингвуда, — дело воображения. В силу упомянутых выше связей истории и повествования историк тоже выстраивает интриги, к^от^орые документы подтверждают или опровергают, но никогда в себе не содержат. История в этом смысле соединяет повествовательную связность и соответствие документам. Это сложное сочетание характеризует статус истории как интерпретации».

Неокантианство

ПРОТИВ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗАКОНОМЕРНОСТИ

В. Виндельбанд и Г. Риккерт подразделяли все науки на два типа: науки о природе и науки о культуре (исторические). Науки о природе, применяя номотетический метод (метод генерализации), стремятся «изучить общие абстрактные отношения, по возможности законы» (Риккерт: Науки о прир<оде> и науки о к<уль>туре // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 90), к<оторым> подчиняются все объекты данного класса. Единичный объект для этих наук сам по себе не представляет интереса. Он для них только экземпляр, частный случай в ряду множества таких же. Зная закон объектов данного класса, мы знаем все эти объекты. Задача наук о природе и состоит в установлении законов природы.

Исторические науки о к<уль>туре используют индивидуализирующий метод, «они выбирают из действит<ельно>сти в кач<ест>ве «культуры» нечто совсем другое, чем естественные науки, рассматривающие генерализующим образом ту же действит<ельно>сть как «природу». Ибо значение культурных процессов покоится в больш<инст>ве случаев именно на их своеобразии и особенности, отличающей их от др<уги>х процессов» (там же, с. 91).

Не общий естеств<енный> закон или общее понятие, для к<ото>рого всё особое есть лишь один частный случ<ай> на ряду с множ<ест>вом др<уги>х, а культурная ценность есть «общее» истории; «культ<урная> ценность необходимом связана с единичным и индивидуальным, в к<ото>ром она постепенно развивается» (там же, 90). Напр<имер>, если нужно изобразить душевную жизнь Гёте или Наполеона, то понятия генерализующей науки (в данном случ<ае> психологии) нам не помогут. «Здесь перед нами, действит<ель>но, жизненное единство, к<ото>рое... основывается исключительно на том, что определённые с точки зрения культурных ценностей психические связи становятся индивидуальными единствами, к<ото>рые бы сразу исчезли, если их подвести под общие... понятия» (там же, 93). Таким обр<азом>, Риккерт подчёркивает принципиальную важность и специфичность для истории уникальных, неповторимых исторических индивидуумов, деят<ельно>сть к<ото>рых невозможно объяснить с точки зр<ения> каких бы то ни было «законов истории».

В этом есть своя правда. Но эта концепция привела далее к позиции, по к<ото>рой исторический процесс лишён всяких форм связности, устойчивости и повторяемости. В таком случае он предстаёт в виде совокупности уникальных и разрозненных событий.

Это так наз<ываемый> «абсолютный» («трагический») историзм, утверждавший, что нет ничего устойчивого, определённого ни в объекте, ни в субъекте познания, ни в их взаимоотношениях.

Абсолютный историзм ведёт, очевидно, к безбрежному релятивизму и скептицизму, ибо рассматривает историческую реальность как непрерывный поток

хаотических изменений. С такой точки зр<ения>, невозможна формулировка определённых суждений об историч<еской> реальности, поскольку она сама лишена определённости. Следоват<ель>но, невозможна формулировка законов истории. Успех историч<еского> познания может обеспечить лишь та или иная форма «слияния» с творческим жизненным потоком, «погружение» в него.

Очевидно, абсол<ютный> историзм несовместим с принципом детерминизма — основой научного и философского познания. Ведь согласно принципу детерминизма, мир, ко крайней мере, в определённой степени — упорядочен.

Ещё об исторических индивидуумах

Джон Кливленд Коттон («Раздумья об истории»):

«Недостаточно обладать гением, гениальная личность должна соответствовать обстоятельствам эпохи. И Александр Великий не беспокоил бы собою свет, случись ему родиться в период устойчивого мира, а Ньютон, выросший среди воров, открыл бы лишь новый вид отмычки».

Альфред Вебер (1868 — 1958)

Немецкий социолог, с 1904 — профессор. Соединял социологию со структуралистским учением в исторической науке. В его социологии культуры показывает, что истинной основой всякой крупной культуры является определённый, характерный тип социальной организации, а также описываются исторические ступени развития этих типов.

У А. Вебер наука о культуре делится на 3 сферы: общественный процесс, процесс цивилизации и процесс культуры.

Альфред Вебер объединил понятием «социальная религия» демократический капитализм, демократический социализм и советский коммунизм. Источник социальн<ой> религии — Декларация прав ч<елове>ка (1776), с её религиозно-социальным содержанием, как выражение нового типа ч<елове>ка. В борьбе, идущей с середины XIX века, полностью разрушились конкретные формы воплощения старых духовных абсолютов и почти исчезла основанная на религии форма сущ<ество>вания ч<елове>ка.

А. Вебер: «Эта социальная религия в дальнейшем занимает место трансцендентальной религии; являясь идеальной и одновременно имея социальную структуру, она формирует в невиданных масштабах практически-динамические преобразующие силы современного ч<еловече>ского бытия. Ни одна трансцендентальная религия, за исключением разве ислама; не обладает в настоящее время такой силой, к<ото>рая хотя бы в незначительной мере была бы сравнима с преобразующей силой социальной религии» (А. Weber: Kulturgeschichte als Kulturosoziologie. 1950. S. 423).

Историк и романист Георг Эберс (1837 — 1898)

Сын фабриканта; сначала изучал юридич<еские> науки в Гёттингене, с 1859 г. — древние языки и археологию в Берлине. Занявшись египтологией, Э<берс> открыл в Египте ряд папирусов (один из к<ото>рых назван его именем). В 1875 — 1889 Э<берс> был профессором египтологии в Лейпциге. Автор научных и научно-популярных трудов, Э<берс> естественно пришёл к сознанию исторических романов.

В своём первом романе «Дочь фараона» («Eine ägyptische Königstochter», 1864) с глубоким знанием быта, культуры и религии нарисовал картину борьбы за власть в Египте VI в. до н. э. В романе «Уарда» изобразил эпоху изгнания гиксосов из Египта; книга вышла в 1877 — 1881. Уже в 1881 вышел роман Эберса из римской жизни «Император»; немецкого Средневековью посвящён роман «Слово» (1883) и т. д.

Романы Эберса написаны живо и очень достоверно; он очень хорошо знал, о чём писал. Эти книги имели успех, в том числе и в России, где Эберса много переводили (Собр. соч. в 13 тт., СПб, 1896 — 1898).

Один из парадоксов Оскара Уальда

«Наш единственный долг перед историей — переписать её заново». Это мнение весьма характерно: в XX веке оно перестанет быть парадоксом.

Альфонс Олар (Aulard, 1849 — 1928)

Французский историк, республиканец и либерал, автор исследований по истории Великой Французской революции — преимущественно по политической истории («Политич<еская> история Франц<узской> революции» и др.) Его труды, подробные и солидно документированные, сохраняют ценность благодаря обилию собранных фактов, но его концепция очень узка: это парламентская история, т. е. фасад историч<еского> процесса.

Albert Vandal (1853 — 1910)

Франц<узский> историк, автор работ «Наполеон и Александр I», «Возвышение Бонапарта» и др.<уги>х. Писал живо и занимательно (это французская традиция в историографии). Член Франц<узской> академии.

Гюстав Лебон (Le Bon, 1841 — 1931)

Презрение к массе — одна из традиций европейской культуры. Ещё Маккиавелли презрительно писал: «В мире нет ничего кроме черни». Вольтер заявил: «Когда чернь принимается рассуждать, то всё погибло». Гегель провозгласил: «Масса лежит вне понятия». Его последователи братья Бауэры создали учение о том, что историческое развитие определяют «критически мыслящие личности», к^{ото}рые ведут за собою «некритическую массу». Отсюда — теория «героев и толпы», популярная среди русских народников.

«Рыцари духа» — герои европейского либерализма. Флобер поучал: «Народу нужно давать свободу, но не власть». К концу XIX века определились самые яркие враги демократии — Ницше и французский социолог Гюстав Лебон, доктор медицины.

В 1894 вышла его книга «Психологические законы эволюции народов». Движущей силой истории Лебон считал иррациональные факторы — чувства и верования, прежде всего религиозные. По мнению Лебона, физиологические и анатомические различия между расами дополняются столь же важными психологическими различиями наследственного характера; в них и коренятся конфликты между расами. Развитие отдельных цивилизаций происходит циклически.

По Лебону идея равенства противоречит ч^{еловече}ской природе. «Неизбежное следствие цивилизации состоит в дифференциации индивидов и рас» («Психол^{огические} законы эволюции народов»). Ни расы, ни люди внутри одного общества не равны между собой. Лебон явился сторонником правления элиты под видом демократии.

Мне кажется, учение этого «культурного расиста» — всего лишь более хитрое переиздание идей Ницше.

В 1895 вышла книга Лебона «Psychologie des foules» (в русском переводе — «Психология народов и масс», 1896). В ней Лебон характеризует конец XIX века как «эру толпы». Он различает «гетерогенные толпы» (толпы улицы) и «гомогенные толпы» (технические и политические секты, военные и рабочие касты, буржуазия, крестьянство). По мнению, Лебона, ч^{елове}к в толпе теряет свою индивидуальность, подчиняется её примитивным импульсам; действует аффективно, обретает веру в чудо и потребность подчиняться вождю. Его анализ массового сознания в какой-то мере справедлив.

Лебон считал, что социализм — враг демократии, и призывал к борьбе с ним. Он был врагом всех революций, но особенно Октябрьской революции 1917 года в России, ибо она уничтожила элиту. По Лебону, русская революция 1917 года доказала полную неспособность рабочих управлять государством.

Джон Аткинсон Гобсон (Hobson, 1858 — 1940)

⌢
—————
⌣

Английский экономист. Его главный труд — «Империализм» (1902). В книге этой он критиковал колониальные захваты великих держав. Гобсон — противник войн. Социальный реформист буржуазного толка.

Одно из удачных предсказаний Карла Каутского

Одним из главных теоретиков марксизма после смерти Фр. Энгельса стал лидер немецкой социал-демократии Карл Каутский (1854 — 1938). В 1902 он выпустил книгу «Социальная революция», содержащую такое пророчество: «Грядущая революция... менее будет похожа на внезапное восстание против правительства и более на затяжную гражданскую войну».

Это совершенно оправдалось в XX веке (Россия и Китай).

<О французских правых>

Французский исток фашизма — это «революционная Правая 1885 — 1914 годов». В конце XIX века Париж был интеллектуальной столицей правых, а Берлин — кузницей социал-демократии. Во Франции возникали ошеломляющие антилиберальные союзы — синтез национализма и радикализма. Отвергалась вера в прогресс и рациональность личности, убеждение в том, что целью социальной активности является добро. Бланкисты сговаривались с буланжистами, синдикалисты — с монархистами. Баррес бросил лозунг «националистического социализма».

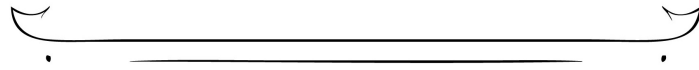
Гюстав Лебон и Тэн проповедовали подчинение личности единству, трактовали нацию как историческое, биологическое и расовое целое, законы к<ото>рого отражаются в характере каждого индивида. Парламентская система — инструмент международного еврейства. Оправдание Дрейфуса — торжество плутократии.

Моррас, руководитель «Action Française», заявил: «Социализм, освобожденный от демократического и космополитического элемента, так же подходит национализму, как хорошо скроённая перчатка — красивой руке».

В начале XX века правые радикалы создают свои рабочие организации, Жёлтое Движение; его шеф Pierre Viétry — предшественник Дорио. Они определяют либеральную демократию как вымысел прогнившей буржуазии и осмеивают парламентскую систему, как орудие международного еврейства.

Robert Louson в газете «Mouvement Socialiste» напечатал статью «Поражение дрейфусизма, или триумф еврейской партии». Растёт ненависть к демократии, пацифизму и чужим (метекам). Жорж Сорель провозглашает веру в победоносное революционное насилие хорошо организованных элит. Вот истоки Морраса и Муссолини.

В 1911 году в «Cercle Proudhon» встречаются Жорж Валуа (впоследствии основатель первой фашистской партии Франции), Berth и Сорель, к<ото>рые проповедуют «истинный» социализм (т. е. националистический и

антидемократический). Эти лозунги воскреснут во время оккупации Франции Гитлером. Главные писатели коллаборантов — Drieu La Rochelle и Brasillah.

Ксенофобия, ненависть к демократии, милитаризм — истоки французского фашизма.

